

ДАН БОРИСОВ

ТРОГЛОБИОНТ

Дан Борисов

Троглобионт

«Accent Graphics communications»

2012

Борисов Д.

Троглобионт / Д. Борисов — «Accent Graphics communications»,
2012

Герои романа-мистории Дана Борисова «Троглобионт» (Троглобионт – доисторическое пещерное животное), отправившись в короткую и, казалось бы, легкую экспедицию по карельскому озеру на самой границе России и Финляндии, попадают в странную область совмещения миров и времён. Вернуться оттуда удастся не всем. Главные герои романа – молодая американка и русский капитан-пограничник увидели там много необычного, совсем не укладывающегося в привычные представления о мироустройстве и удостоились общения с самим «князем мира сего». Американскому ЦРУ и русскому ФСБ легче считать их сумасшедшими, чем принять произошедшее за реальность.

© Борисов Д., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть первая	8
1. На ступенях храма	8
2. С корабля на бал	15
3. Против всех	21
4. На родине предков	24
5. Сладкий сон	28
6. Почти у цели	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дан Борисов Троглобионт

Вместо предисловия

Троглобионт – пещерное животное (справочно).

За окном играло теплыми красками бабье лето.

Солнце, пробиваясь через остатки утреннего тумана и разноцветные листья кленов, ложилось движущимися туда-сюда зайчиками на широкий подоконник и ламинированный пол. Стекла, через которые светило солнце, были пуленепробиваемыми и с односторонней проницаемостью. Наружные звуки сюда не попадали, а деревья закрывали урбанистический пейзаж центра Москвы.

Кабинет спецтерапии «Лечебного учреждения им. Ф. Э. Дзержинского» кроме солнца, освещался еще и сильными лампами с потолка. Половину кабинета занимал черный стол, под ним жужжал вентиляторами мощный компьютер, а сам стол был почти пуст: монитор, принтер и, такая же по размерам и по цвету как монитор серая коробка, от которой в две стороны шли пучки проводов, в сравнении со столом, эти приборы казались совсем маленькими. На столе еще находился один анахронизм – старинный телефон без диска и без кнопок. С дальней от двери стороны стола, свободно расположившись в большом кресле, плотно прикрученном к полу, полулежал человек в темно-коричневой больничной пижаме и такого же цвета тапочках. Голову его полностью закрывал пластиковый шлем, с расположенным на затылке и потому напоминающим косичку кабелем, соединенным с той самой серой коробкой на столе.

С другой стороны стола на кресле поменьше сидел длинноволосый молодой лаборант в белом халате с клавиатурой на коленях. С интересом глядя на монитор, он щелкал клавишами, но, вдруг, отложив клавиатуру, встал навстречу, вошедшему в кабинет еще одному человеку в белом халате.

Вошедший обладал на редкость непримечательной внешностью. Непримечательных лиц много и, в наше время, их становится всё больше под влиянием общеоглупляющих факторов общества потребления, таких как бесконечные сериалы, попса, реклама, гипермаркеты и тому подобное, но на большинстве лиц мы всё же видим, хотя бы, следы коллективных пороков – алкоголизм, криминальное прошлое, пристрастие к сладкой жизни. Вошедший был непримечателен абсолютно: он был среднего роста, не худой и не толстый, не блондин и не брюнет; по нему не возможно было определить ни его возраст, ни национальность, ни, даже, цвет его глаз. Войдя, он негромко поздоровался с обоими присутствующими, и фамильярным похлопыванием по плечу посадил лаборанта на место. Человек в пижаме в знак приветствия кивнул шлемом. Вновь прибывший сразу начал говорить столь же бесцветным, как и внешность голосом:

– Капитан Градов, вы дали добровольное согласие, – он подчеркнул интонацией слово «добровольное», – вы дали добровольное согласие на испытание вас по дифференциальной программе... называемой в простонародье «детектором лжи».

– Да, – голос из под шлема усиливался электроникой и давал небольшое эхо.

– Мы неоднократно уже говорили с вами, но я еще раз хочу подчеркнуть всю важность проводимого сегодня... эксперимента. Еще раз подчеркиваю, что у нас нет ни малейшего повода обвинять вас в... исчезновении членов вашей экспедиции на озере Подкаменное. Никто не собирается предъявлять обвинение лично вам... Но мы обязаны знать, что там произошло. Вы не можете вспомнить, где вы находились в течение двадцати восьми дней с момента вашего выхода на озеро и до момента встречи со спасателями. Однако мы имеем объективные данные о том, что, во-первых: во время вашего отсутствия, в районе озера Подкаменное имели место

аномальные явления, выразившиеся в дезориентации магнитных стрелок компасов, искажении радиоволн и некоторых других, включая полное исчезновение материальных предметов и людей; во-вторых: медицинские исследования показали несомненные следы внешнего воздействия на ваш организм, выразившееся... ну, это неважно; в-третьих: мы имеем некий исторический материал, позволяющий думать, что происходят такие события уже не в первый раз и, могут быть связаны с явлениями, имеющими глобальный характер. Мы не связываем эти явления с действиями наиболее вероятного противника, но угроза безопасности страны от этого не становится меньше, более того... проблема эта выглядит, как общемировая. Вы готовы к эксперименту?

– Да.

– На самом деле наш прибор сильно отличается от пресловутого «детектора», он гораздо более чувствителен и фиксирует абсолютно все изменения полей сознания и подсознания. Он может выявить то, что вы действительно (он опять подчеркнул это слово голосом) действительно не помните. Методика эксперимента новая, но уже испытанная. Никаких особых усилий от вас не требуется – ваша задача расслабиться и спокойно отвечать на вопросы. Начинайте, – это он сказал уже лаборанту и тот начал:

– Назовите полностью вашу фамилию, имя и отчество.

– Градов Егор Ростиславович.

– Сколько вам лет?

– Э... двадцать семь.

– Место рождения?

– Город Москва.

– Гражданство?

– Российская Федерация.

– Военское звание.

– Капитан пограничных войск.

– Верите в Бога?

– ...И да, и нет.

– Спасибо. На остальные вопросы пока отвечайте только «да» или «нет». Снег белый?

– Да.

– Вода мокрая?

– Да.

– Космос большой?

– Да.

– Лимон сладкий?

– Нет.

Неприметный человек показал знаками лаборанту, чтоб тот позвал его, когда закончит, и тихо вышел из кабинета.

Везде принято ругать спецслужбы. Особенно у нас в России. Трудно даже представить себе, сколько тонн бумаги изведено на то, чтобы изобличить происки и козни советского КГБ. Мужественные советские разведчики уже потихоньку начинают выглядеть шпионами. Но, почему-то, ни одно государство от услуг спецслужб не отказывается.

Есть мнение, что и на «том свете» спецслужбы существуют и ведут свою деятельность столь же усердно, как и у нас. Однако, чего доказать не можем, не будем того утверждать.

Вернемся лучше к нашему повествованию.

Это не начало, а скорей, конец истории, которую я хочу вам рассказать. Я знаю её, что называется из первых рук, со всеми подробностями, включая интимные, но источники разглашать не принято, и я не буду. Не буду, так же, грузить вас уверениями о том, что названия и фамилии изменены, а совпадения случайны – и так понятно. Все материалы по этому делу

засекречены не только у нас, но и в НАТО. Свидетели этих событий по разным причинам молчат и, скорей всего, будут молчать еще долго. Так что, хотите, верьте – хотите, нет. Тем более что в книге это не главное. Могу выдать тайну – книга эта о любви, как и положено роману, причем, детям до шестнадцати лет не рекомендуется.

А началось всё, что называется, на другом конце земли.

Часть первая

1. На ступенях храма

Летом здесь очень жарко. Хорошо хоть цивилизация одарила местных жителей таким безусловным благом как кондиционер, и многими другими техническими благами. Этих благ здесь настолько много, что они просто на грани культа, и создается впечатление, что техника заменяет местным людям Бога. В такую жару, мокрые от пота люди страдают на улицах без технической поддержки... и кажется идеальным только одно – покинуть этот горячий асфальт, уйти подальше от раскаленных, излучающих жару домов и выйти на берег Океана.... Даже если не броситься тут же в воду, то, всё равно, сам вид этого бескрайнего зеленовато-голубого пространства заставляет забыть о пекле.

Когда мы слышим название этого города, непроизвольно воображение рисует бесформенное нагромождение высоченных коробок из стекла и бетона, вырастающих прямо из воды, как сталагмитовые наросты в слишком большой и к тому же очень светлой пещере. Таким он видится с океана, но чаще снимают с берега. Как влекут мух некоторые из сероводородов, влечет фотографов это место на набережной. Этот вид со стороны Бруклина действительно впечатляет, но он уже заигран, замусолен до невозможности. Наверное, во всех великих городах есть такие точки: в Риме это вид на Колизей... в Афинах – на Акрополь, в Москве – вид на кремль с Большого каменного моста, названный в народе трехрублевым (ныне устаревшее). Сейчас уже многие не помнят сладостного вида хрустящей трешки, а ведь совсем недавно эта бумажка была главной советской валютой, главной и неразменной единицей русского менталитета: она заключала в себе бутылку «Московской» и плавленый сырок «Волна».

Однако, мы отвлеклись.

Тогда еще была весна, погода стояла замечательная, никакой жары, но вполне тепло.

Дело происходило в одном из уголков старого Манхеттена (это я так его называю старым, для аборигенов это имеет, видимо, какое-то другое название, но каждый имеет право на свое видение). Это тоже Манхеттен, тоже небоскребы, но небоскребы старые, пониже, построенные где-то в начале двадцатого или в конце девятнадцатого века. Для москвичей эта архитектура ассоциируется с так называемыми сталинскими домами, вроде МИДа или Университета на Воробьевых горах.

Шикарные офисы, дорогие магазины и тому подобное, связанное с современными представлениями об активной деловой жизни, находится в стороне, в районе пересечения Бродвея и Пятой авеню, здесь же гораздо тише, спокойней. Тихие скверики расположены как бы в ущельях из белого камня. От них вверх поднимаются мраморные лестницы к домам, в которых расположены библиотеки, музеи и что-то другое, ассоциативно связанное с понятием культуры человечества и, пока еще не унесенное ветром.

Прямо на большой каменной лестнице, подложив под себя какой-то потрепанный бестселлер, сидела молодая и очень симпатичная девушка. Она грызла карандаш и, время от времени, делала им какие-то пометки в блокноте, лежавшем у неё на коленях. Тем же карандашом она иногда поправляла очки. Многие стесняются очков и совершенно напрасно: хорошие очки последнему дураку придадут умный вид, а хорошенькой девушке они добавляют немного наивности, милой беспомощности, одним словом, детскости, причем, иногда в такой степени, что с очками не сможет конкурировать ни одна, сколько бы то ни было короткая, юбка, укороченная, в общем, для тех же целей.

Периодически девушка отрывалась от своих занятий и внимательно вглядывалась в прохожих. Наконец, она дождалась, увидела того, кого хотела: он вышел из дорогого лимузина и

уже поднимался вверх. Это был более чем средних лет мужчина в дорогом сером костюме при ярком галстуке и с кейсом в руках. Легкий ветерок шевелил его начесанные волосы, должныствующие закрывать значительную залысину спереди. Не смотря ни на что, он был доволен жизнью: об этом говорила, или должна была говорить, его ослепительная улыбка.

Легким, кошачьим движением девушка снялась со своего поста и устремила навстречу шикарному джентльмену. Ветер начал бегло читать забытый на ступенях бестселлер.

Улыбка мгновенно стерлась с лица джентльмена.

Бог мой... это опять вы?...

Да, доктор Хотланд, это опять я!

Прекратите меня преследовать!

Да, но вы единственный человек в этом городе, который может мне помочь!

Почему? Вам прекрасно помогут в сумасшедшем доме...

Пусть! Пусть я сумасшедшая, – произнося слово «крези» она так хищно оскалила зубы, что Хотланд подумал, уж не прав ли он на самом деле, – Пусть я сумасшедшая – избавьтесь же от меня – решите мой вопрос!

Она немного помолчала, собираясь с мыслями или с силами, и продолжила так:

Пусть я крези, а вы? Вы! Поц лысый... старый фак...

Выражения сыпались из неё как камешки по мраморным ступенькам. Все эти ругательства подробно иллюстрировались жестами... Эти слова так не соответствовали облику скромной девушки, что Хотланд на несколько секунд потерял дар речи, но потом ему стало смешно.

Ну, хорошо, хорошо... приходите ко мне завтра в десять утра...

Спасибо... вы такой милый, – девушка легко подскочила к мистеру Хотланду, поцеловала его в щеку и тут же поскакала вниз по лестнице.

Точно... сумасшедшая...

Доктор Роберт Хотланд проследовал мимо полицейского в стеклянные двери. Все так же ослепительно улыбаясь, он поприветствовал своих сотрудников, поинтересовался новостями, пошутил немного и прошел к себе в кабинет. Закрыв за собой дверь, он сразу снял улыбку, уселся за свой рабочий стол и задумался. Сказать, что он был смущен, будет неправильно. Что эта девочка его в чем-то убедила? Тоже нет. Что же тогда? Скорей всего то, что в этой девочке он увидел себя самого, каким он был когда-то, очень давно, когда он не был еще светилом науки, и перспективы познания мира не затмевались еще узко практическими интересами. Его лицо помягчало и на нем появилась настоящая, а не та, которую он носил на людях, улыбка. Может быть, она была немного наивной и даже глуповатой, но она была настоящей, а ведь все знают, чем отличается, например, изумруд от искусственного зеленого камешка.

Неожиданно он крепко стукнул кулаком по столу.

– Я сделаю это... пусть едет!

В дверь всунулось испуганное лицо секретарши. Хотланд уже держал в руке трубку телефона и вместо того, чтобы сказать, он написал на маленькой зеленой бумажке: «Через пять минут пригласите Ричарда». Жестом он одновременно успокоил и выпроводил секретаршу.

– Хэлло... Алекс?

– Да... здесь Алекс.

На том конце провода находился небольшой, но крепенький человек с взлохмаченной со сна шевелюрой, в трусах и белой майке сеточкой. Он только что выбросил пустую банку из-под пива, заменявшего ему утренний кофе, и налил молока в «сириел». Правда, этот сириел правильней называть кукурузными хлопьями, а Алекса – Сашей Борштейном, но так уж складывается жизнь. Саша родился в Жмеринке. Учился в Москве, начиная с девятого класса, потом институт и распределение в родную Жмеринку, где он долго не продержался. Жизнь побросала этого человека по всему Советскому Союзу: от Сахалина до Мурманска он строил дороги или протирал штаны в конторах, но на одном месте не задерживался дольше полугода. Дело в том,

что его бурная деятельность не совсем совпадала с целями социалистического строительства, и хуже того, граничила с компетенцией Уголовного Кодекса.

При всем при этом, жил он в Союзе весьма неплохо, в материальном отношении, но предпочел свободу, в самом кардинальном смысле. Вот тут-то и пригодилась ему его пухлая трудовая книжка – на первом же интервью в американском посольстве несчастному еврею удалось убедить чиновника в том, что ему нигде не дают работать из-за антисемитских происков советских властей. Он получил статус беженца, а вместе с ним «велфор», деньги на обучение и массу других материальных благ.

Дальше все было как обычно: после первых восторгов начались разочарования, развод с женой, трения с законом, но неистребимый оптимизм и необычайное упрямство сделали свое дело – Саша Борштейн превратился в Алекса, средней руки, можно даже сказать, преуспевающего бизнесмена, не смотря на разветвленные долговые обязательства.

Для Хотланда он был посредником в работе с несколькими строительными компаниями. Геология ведь не только теоретическая наука.

– Здесь Алекс... здесь.

– Алекс, это Роберт Хотланд.

– Хай, Боб. Очень рад слышать ваш голос, но мои обстоятельства делают меня несколько нездоровым...

– У вас всегда обстоятельства, Алекс, но сейчас это не имеет значения...

– Бог свидетель – я отдам. Вы же меня знаете!

– Алекс, послушайте меня не перебивая. Я прошу вам ваш долг, если вы сделаете для меня одну вещь...

– Я весь внимание, док!

– Мне нужно организовать поездку двух моих людей в Россию для проведения там геологических исследований.

– Нет проблем, Боб. У вас, конечно, есть официальное разрешение?

– Иногда вы, Алекс, бываете на редкость тупым. Если б у меня было официальное разрешение, я бы не обращался к вам. Для того чтобы оформить официальные бумаги, нужно иметь год или два времени. И не известно, чем это кончится – русские очень шепетильны в этих вопросах – они во всех видят шпионов. Это, во-первых. Во-вторых: мне не нужно ставить там буровых установок, мне нужно, чтобы мои люди приехали туда, как туристы, взяли образцы грунта и растительности, сделали бы кое-какие замеры и вернулись обратно... Вернулись, понимаете? Живыми и здоровыми...

– Понимаю, док... но и вы поймите... Вы нарисовали сейчас сцену из шпионского фильма...

– Вы беретесь за это?

– Да... Но это потребует затрат... больше чем...

– Подождите, это еще не всё... Интересующий нас объект – это небольшое карстовое озеро, находится в Карелии... в пограничной зоне.

– Где, где?

– С русской стороны вдоль границы с Финляндией есть тридцатикилометровая закрытая зона. Вот туда и должны попасть мои люди.

– В качестве туристов? Вы смеетесь надо мной? Да тут никаких денег...

– Вы отказываетесь?

– Нет, конечно... Но...

– О деньгах мы поговорим позже. Вы должны решить этот вопрос сегодня... в крайнем случае, завтра до девяти часов утра.

– Будет сделано, док.

– Бай.

– Бай-бай, Боб.

Начав что-либо делать, Хотланд уже не мог остановиться, он отдавался процессу полностью. Сейчас он набирал разные номера в телефоне, разговаривал, одновременно листая какие-то бумаги и, когда в кабинет зашел Ричард – долговязый молодой человек с румянцем на щеках, он не сразу понял, что от него хотят.

– Ах да... Дик... садитесь, пожалуйста.

– Я слушаю вас, шеф, – Ричард или Дик, как сокращают это имя американцы, поместился на стуле, сложившись, как плотницкий метр. Ноги он засунул под стул, локти совместил с коленками, а на сжатые кулаки опер подбородок.

– Я пригласил вас, Дик по поводу вашей подружки... Энн, кажется?

– Она моя невеста, шеф...

– Извините... Вы, конечно, в курсе всей этой истории столетней давности? Я хотел бы услышать подробности... хотя?... выбросили бы вы это из головы... пока не поздно... А?... Мало того, что рассказ этого финна вполне может оказаться блефом, и вы зря проездите, ну а если это правда?... Это же опасно, очень опасно!

– Игра стоит свеч, шеф, я в этом убежден. Абсолютно!

– Ну, хорошо, рассказывайте, – Хотланд посмотрел на часы, – я потрачу на это столько времени, сколько будет нужно. Рассказывайте!

Они сидели, запершись в кабинете, уже часа полтора. Секретарша два раза приносила кофе и тут же скрывалась за дверью. Когда та появлялась, оба молча следили за ее действиями. Начинали двигаться и говорить только после её ухода, по хлопку двери, как будто это была кинохлопушка.

Не смотря на строгие личные правила ведения здорового образа жизни и свой же строжайший запрет на курение в офисе, Хотланд все это грубо нарушил: он сидел в своем кресле с большой прямой трубкой в руках, которую периодически брал в зубы, хищно оскаливаясь. Трубка в основном работала в холодную, но когда периодически прикуривалась, она успевала напустить столько дыму, что Дик у становилось почти не видно своего шефа.

Дик ходил по кабинету с пачкой бумаг в руке и, раскачиваясь, монотонно читал, то, что там было написано, и каждый уже прочитанный лист клал на стол перед Хотландом. Тот иногда прерывал Дика своими комментариями. В эти моменты он мерно ударял кулаком с зажатой в нем трубкой по столу, в результате чего, каждый лист покрывался некоторым слоем пепла. Если не слышать слов, то со стороны это выглядело как некий ритуальный обряд какой-то неизвестной религии.

В конце концов, Дик положил на стол последнюю страницу и замолчал. Какое-то время молчал и Хотланд, потом он встал, потянулся и как бы с сожалением положил трубку в глиняную вазочку, назначенную на сегодня пепельницей.

– Садитесь, Дик, садитесь, хватит вам маячить у меня перед глазами.

Он сложил в аккуратную стопку расплзшиеся листы, частично вытряхнув оттуда пепел и положил перед Диком.

– Пишите! Хотя, подождите, давайте попробуем разложить все по полочкам...

Теперь Хотланд мерил шагами кабинет и Дик у пришлось уткнуться в бумаги, потому что следить за шефом на фоне яркого окна было больно глазам.

– Хорошо... что мы имеем? Какой-то сумасшедший финн... или русский, что в 1908 году было одно и то же, потому что Финляндия входила в состав Российского царства...

– Российской империи, шеф.

– Не перебивайте по пустякам! Итак: Человек с финской фамилией Ваттанен и русским именем Тимофей Иванович... с бумагами от русской Академии наук изучал пещеры...

– Карстовые озера.

– В районе современного озера «Подкаменное», – он пропустил вторую поправку Дика мимо ушей, – Кстати, где карта?

– Сейчас я схожу...

– Не надо, достанем из компьютера.

Хотланд некоторое время щелкал мышью.

– Вот оно... Озеро, как озеро... сейчас наложим границу... Вот. Оно целиком на территории России и целиком в запретной зоне. Богатые они – эти русские – тридцать километров земли никому не нужны. А что? Может и у нас такие зоны есть?

– Не думаю... но в этом есть своя прелесть. Представьте – реальный реликтовый лес, чистейшие озера... там же никого нет, ни жителей, ни туристов...

– Да, да... разделите лист пополам! Слева будете отмечать плюсы, справа – минусы. Вот эти свои восторги поставьте слева, а справа – то, что туда еще и нам как-то попасть надо... с финнами было бы проще. Еще два плюса сразу: подлинность документа не вызывает сомнений – раз, и два – космическая съемка показывает в этом озере очень большую глубину, что подтверждает мнение нашего корреспондента о карстовом разломе... – Хотланд опять схватил трубку, пососал чуть-чуть, но прикуривать не стал, положил на место.

– Ваш финн говорит о локальных смещениях больших участков земной коры, на пару дней, а потом возврат их на место. Ну положим, это мы можем замерить, документировать. А дальше мы имеем полную чушь: доисторические ящеры. Я еще могу поверить в чудища, вроде Лохнесского, где-то, кто-то их периодически видит, поднимается шум... предположим, появляется чудовище, мы его фиксируем приборами, снимаем на пленку, на цифру... сладкие мечты... на этом миллионы можно заработать! Но, чтобы с доисторическим ящером можно было общаться? Он что? этот ящер, сам разговаривал или книжки с собой принёс? Чушь это всё! Этого не может быть! Минус! Вот такой жирный!

– Что мы теряем? Мы только проверим, правда это или нет. Вы знаете, шеф, я ведь сделал кое-какие расчеты... если верно, то что говорит этот финн, то разведка недр может стать точной наукой... а не методом тыка, как сейчас.

– Бросьте высокий штиль, Дик... А затраты? Еще посчитать нужно, во что это выльется. И потом, надо мной же смеяться будут!

– А мы – потихонечку – никто не узнает. Нам же много времени не надо – это же несомненный плюс: указана почти точная дата повторного появления...

– Вы уверены?

– Почти... Там было несколько дат... по две на век. Предыдущая попала на сгиб и смазана: то ли 1945, то ли 1954... а следующая срезана – есть только 20... Все расчеты во второй части дневника, но он, как вы знаете, утерян.

– А почему, неровные промежутки времени?

– Видимо, календарь не солнечный – Луна, планеты, звезды. Кстати финн сам попал туда не случайно, он имел какую-то предварительную информацию. Во всяком случае, дата 15 июня 1908 года ему была известна заранее.

– Стоп. Июнь 1908 года – что-то знакомое. Что-то вертится в голове. Сейчас, подождите...

Хотланд опять полез в компьютер.

– Вот – «Тунгусский метеорит! На реке Подкаменная Тунгуска, в Сибири, произошел мощный взрыв, уничтоживший 2000 квадратных километров тайги... осколки метеорита до сих пор не обнаружены». А сорок пятый год?

– Конец войны с Гитлером?

– Это еще и первые ядерные взрывы, Дик!

– Может быть, это не сорок пятый, а пятьдесят четвертый?

– Хрен, редьки не слаще – пятьдесят четвертый год – это термоядерный взрыв на атолле Бикини...

Хотланд опять ушел в дымовую завесу. На секунду ему стало страшно. Он совсем не был мистиком, и даже не особенно верующим человеком, но сейчас его окутало непонятное мистическое предчувствие. Он всегда выделялся быстротой соображения, и гордился этим, однако, не смотря на его задумчивый вид, ни одной логической мысли в его голове не было – вся внутренняя работа происходила на уровне подсознания. На поверхности болталась лишь одна невысказанная фраза: «А что же тогда нас ждет в этом году?». Из этого состояния его вывел Дик, которому прискучило молчание.

– Плюсов пока больше, шеф.

– Брось ты эти плюсы и минусы... уговорили... что-то мне подсказывает, что это может оказаться вполне серьезно. Поезжайте! Завтра начнем подготовку.

Дик встал и направился к двери.

– Вернитесь, Дик. Сядьте! Если уж мы ввязываемся в это дело, то я не хотел бы, чтоб между нами остались недомолвки...

Он выдвинул кресло из-за стола и сел, рядом с Диком.

– Я уже стар, Дик, во всяком случае не молод... Вам с вашей невестой сейчас непросто в это поверить, но я тоже когда-то был молодым...

– Ну, что вы, шеф...

– Не надо, Дик, я сам относился к старшему поколению так же, как вы сейчас. Я не понимал, почему они все такие консерваторы, или что-то вроде того... Теперь понимаю. Общественное мнение, Дик. Общественное мнение... оно сильнее нас – боязнь показаться смешным, затыкает нам рот. Миром правит посредственность, она заставляет восхищаться общепризнанным и отрицает все новое. Почему травили Галилея? сожгли Джордано Бруно? Церковь тут не при чем – она только инструмент... Их идеи не согласовывались с общепринятым мнением... На самом деле, и мнения то никакого нет – есть «комильфо», привычка, маска. Вы понимаете меня?

– Признаться, не совсем...

– Попробую объяснить понятнее... Чему учат в школах? в университетах? по телевидению? везде... В общем виде? В общем виде, как формула это выглядит так: «Ребята, мы уже знаем о Мире всё. На карте нет белых пятен. Осталось лишь уточнить кое-какие детали». Я прав?

– Пожалуй.

– А на самом деле, ни черта мы не знаем о Мире. Вот, хотя бы... самое простое – почему не гаснет Солнце?

– Ну... термоядерные процессы...

– Для того, чтобы происходили термоядерные процессы нужно одно из двух: либо подавать топливо извне, чего очевидно нет; либо изнутри, но тогда, масса Солнца будет постоянно убывать, чего тоже нет – мы бы это заметили за пятьсот лет измерений, хотя бы по изменению орбит планет Солнечной системы. Значит, почему не гаснет Солнце мы не знаем! А откуда мы, вообще, знаем массы Солнца, Земли и так далее – из законов Галилея и расчетов Ньютона. Пятьсот лет – это я, конечно, хватил, но четыреста лет прошло точно... А мы имеем картину Мира столь же умозрительную, как и догалилеевская картинка Птолемея и, появившись сейчас новый Джордано Бруно... на костре его конечно не сожгут, но засмеют, зашикают, заткнут в угол... А что такое электричество, Дик? Какие-то электрончики, куда-то побежали... Да, не бегут никуда электрончики. Что такое электричество мы тоже не знаем, Дик, хотя и пользуемся им повсеместно. И наконец, самое интересное – что такое ЧЕЛОВЕК? Обратите внимание, Дик, все сложнейшие процессы, происходящие в нас с вами ОНИ объясняют с точки зрения

химии... всего лишь простой органической химии: кислород – туда, углерод – сюда; здесь – адреналин, там – какой-нибудь фермент... Дик, а вы когда-нибудь ели мозги?

– Не понял... а... мозги? коровьи? Нет не ел.

– Ну хотя бы из косточки?...

– Нет, шеф.

– Я уже тоже не ем, но в наше время... Это довольно вкусно, Дик, но сейчас это не главное – мозги, Дик, что коровьи, что человеческие по химическому составу почти одинаковы. Я не помню точно – там очень мало белка – в основном, это жир и немного воды... Неужели вы думаете, что вот этот студень, который находится в наших головах рождает мысли? Этим студнем Шекспир создал Гамлета, а Эйнштейн свою эту... теорию? Не верю!

– Ну, а как же тогда? Чем же? Другого-то нет...

– Вот в этом-то и дело! Считайте, что мы с вами сейчас разыграли сценку – я Галилей, а вы – инквизиция! Теперь поняли мою мысль?

– Понял.

– Причем, это мои реальные убеждения, но я никогда не выскажу их публично, – Хотланд помолчал немного и продолжил уже более спокойным тоном, – Когда-то давно, в шестидесятые годы, был бум «летающих тарелок». Верней, началось это еще в пятидесятых, даже, может быть, в сороковых. Было много шума. Их постоянно где-то видели, сталкивались с ними, и даже общались якобы... создалась целая наука по их изучению – уфология. Правда, эти ученые сообщества больше напоминали секты. Вот эти уфологи сначала дружно бубнили о пришельцах из космоса, потом, где-то в конце семидесятых... во всяком случае, самые умные из них стали говорить о некоем, существующем на Земле параллельном мире...

– Уфология и сейчас существует и...

– Может быть – я не слежу за этим. Но, знаете, Дик, чем больше живешь на этом свете, тем больше сталкиваешься с непонятными, необъяснимыми явлениями... пересказать это почти невозможно – это какие-то намеки, подсказки неизвестно от кого и откуда, какие-то совпадения обстоятельств. Я не берусь это классифицировать и, так же, как все, не очень хочу даже задумываться над этим... но постепенно у меня сложилось убеждение, что на нашей планете действительно существует какой-то другой мир, параллельный нашему, человеческому... и не просто существует, а постоянно взаимодействует, а иногда и просто руководит событиями. И вот эта наша сегодняшняя загадка – из той же оперы...

– Но тогда нужно что-то делать! Не нам, естественно... Нужно привлечь ФБР, Пентагон... специалистов из НАСА. Нужно это уничтожить – это же угроза всему человечеству!

– Дик, вы сумасшедший? С кем вы собираетесь воевать? С судьбой... с Господом Богом? Или наоборот – с Сатаной? Боюсь, оружия не хватит.

Некоторое время Хотланд молчал. Молчал и Дик, он понимал, что его начальник сейчас совершенно искренен. Это было явлением настолько необычным, из ряда вон выходящим, что Дик растерялся. Хотланд даже внешне выглядел необычно – как добрый дедушка с внуком у комелька в морозную ночь. В такой ситуации еще одно, любое, хотя бы немного неверное словесное движение могло или обидеть шефа, или выставить его, Дика, в идиотском свете.

Хотланд встал и ушел к окну. Постоял немного, барабанил пальцами по стеклу. Когда он повернулся, это опять был прежний респектабельный человек с дежурной улыбкой на лице.

– Я прошу вас, Дик, забыть об этом разговоре... Во всяком случае, ни мне, ни, тем более, кому-либо еще, об этом не говорить.

– Конечно, шеф.

– А своей невесте можете передать, что с завтрашнего дня я её зачисляю в штат – пусть не опаздывает на работу. Всё... я вас больше не задерживаю.

2. С корабля на бал

В Москве, хорошая весна – это май, в крайнем случае, конец апреля. Но тогда еще не кончился март. При всем том, что зима была сиротской и почти бесснежной, под конец снега подвалило, и он таял сейчас вперемежку с грязью, автомаслами и химическими реагентами, добавляемыми в снег московским правительством, в каких-то только ему (правительству) известных целях. Снег с этими реагентами становится липким и скользким киселем, разрушающим шины, обувь, деревья и кустарники. Но не нам судить о высших целях прогресса – правительству виднее.

Егор отпустил такси возле арки, ведущей во двор. С некоторых пор, эти старые «генеральские» дома в районе Сокола стали пользоваться большой популярностью. Новые жильцы, активно улучшая свой быт, загородили все проходы во дворы металлическими решетками и воротами, хорошо хоть не бетонными блоками, как на окраинах.

Егор Градов не был дома года четыре, и для него это было внове. Впрочем, полгода назад он заезжал сюда на полчаса после похорон родителей, но видимо был в таком состоянии, что никаких изменений здесь не заметил.

Выходя из машины, он поскользнулся и выругался, эта скользкая каша под ногами была также непривычна, как ворота под аркой. Он протиснулся в узкую калитку. Может, она и не была такой уж узкой, но ему мешали гитара в камуфляжном футляре и большая сумка через плечо. Выйдя во двор, он остановился, снял свою поклажу и закурил. Зажигалкой подсветил Командирские часы. Второй час ночи.

В советские времена двор был гораздо чище. Машин было мало, таких дорогих иностранных крокодилов и вообще не было. Но двор был как-то добрее, уютней. Или это только кажется? Егор посмотрел на темные окна своей квартиры и физически, где-то под нижними ребрами, ощутил свое одиночество в этом доме, дворе, в этом городе и в этом мире. Подморозило. В совершенно чистом небе слабо, по-городскому, светились звезды. В горах они не такие – ярче и как будто ближе, и видишь их гораздо чаще – ночи темнее. Егор поймал себя на том, что мысленно сказал: «У нас в горах», хотя родился и провел всю жизнь до службы здесь, в этом дворе. Новую волну тоски он погасил глубокой затыжкой и тут же насторожился, не сразу поняв причину.

В темноте арки взвизгнула женщина и через секунду она уже бежала мимо Егора, нелепо семеня ногами и жалобно причитая себе под нос. Следом за ней выскочил довольно крупный парень в черной шапочке, сдвинутой на глаза. Егор, еще не осознав до конца, что происходит, подставил ему ногу. Парень упал неудачно, плашмя, совсем, видно, не готов был к такому повороту событий. Шапочка соскочила у него с головы, оголив стрижку под ноль. Теперь ситуация стала примерно понятной. Надо сказать, вскочил этот скинхед довольно быстро со словами:

– Ты чё, мужик? – далее следовал примитивная матерная идиома, повторять которую неинтересно.

Егор не стал бить первым. Он нырнул под удар и свалил парня встречным апперкотом. Тот опять оказался на асфальте, теперь уже надолго. Заходя в темное пространство под аркой и, снимая с руки часы, Егор еще подумал, что немного перестарался, но тут рассмотрел в свете уличных фонарей, еще троих, очень похожих на первого. Они пытались достать мужчину, занявшего позицию в углу между решеткой и стенкой. Егор мысленно одобрил позицию защиты, но уже надо было помогать – мужчина явно слабел.

– Ей! Пацаны!... ку-ку... положение изменилось!

К чести нападавших нужно сказать, что ни один не убежал. Пришлось класть всех троих. Когда дело было кончено, Егор наклонился над поверженными противниками.

– Слабаки вы еще – тренироваться, тренироваться и еще раз...

– Спасибо вам.

Голос показался Егору знакомым, и он сразу обернулся.

– Бычок? Здорово!

Егор назвал «Бычком» солидного человека – Игоря Михайловича Мартьянова, исполнительного директора одной известной и очень уважаемой туристической фирмы. Дело в том, что сразу после школы Егор поступил в военное училище, а потом служил далеко от Москвы – то на Кавказе, то в Средней Азии; и весь этот пропущенный им период московской жизни как бы выпал из его сознания. Так бывает с людьми, он на этот миг как будто ушел назад лет на пятнадцать-двадцать, где вот это лицо прочно ассоциировалось с дворовой кличкой. Бычком Игоря Мартьянова прозвали лет в четырнадцать, с чего такая кличка прилипла к очень красивому мальчику из приличной семьи (дед его был ответственным работником ЦК, отец, естественно, тоже неплохо устроился) неизвестно, но, что самое странное, так же в детстве звали и его папашу, на которого Игорь был удивительно похож. Он старался не показывать виду, но все же обижался на друзей, и если уж они его видят быком, просил называть себя Бугаем, на худой конец Амбалом, но видно на это не тянул.

Сейчас он ни сколько не обиделся, даже наоборот, и обратился к старому приятелю тоже по дворовой кличке:

– Здорово, Горыныч. Это ты? Откуда ты здесь взялся? Я уж думал мне того... копец! Откуда эти козлы взялись? не понял...

– Здравствуй, Игорь, – Егор обнял старого друга, повертел и принялся его тискать, – Драться научился, наконец-то... в армии, вроде бы не был... сидел, что ли?

– Подожди, шапка тут у меня где-то...

– У вас, что тут в Москве, все время так?

– Да нет, что ты... Это просто анекдот какой-то. Кому рассказать... Стой! А где Ольга? Бежим!

– Успокойся ты, с ней все нормально.

Егор не спеша, пошел за Игорем, прихватив по пути свои манатки. Спасенная Егором женщина сидела на ступеньках подъезда, уткнув лицо в ладони. Подбежавший к ней Игорь поднял её, прижал к себе.

– Вы же не знакомы? Это моя жена, Ольга... а это Егор, мой друг детства, и наш сосед сверху...

– Очень приятно, – Ольга было оторвала руку с платком от лица, но тут же вернула ее на место, вспомнив, что у нее, наверно, размытые глаза, – Спасибо вам...

– Ерунда, обращайтесь еще... всегда поможем.

– А где твоя шапка с шарфом? – это она уже Игорю.

– Шапку-то я так и не поднял, пойду...

– Подожди, пойдем вместе.

– А, я?

– Не бойся, второй снаряд в воронку не попадает.

– Мы быстро.

Не смотря на это заявление, поспешным передвижение друзей было не назвать. Возле второго подъезда, Егор вообще остановился, закуривая.

– Двор стал какой-то чужой.

– Что ты хочешь? Элита живет!

– Да, какая там элита... А раньше кто жил? Вот в этом подъезде три генерала, там... – Егор осекся, вспомнив, что его отец тоже был генералом, и снова почувствовал горечь недавней потери, – Ехал сейчас по городу... весь город чужой стал!

– Ничего, привыкнешь. А где этот... который здесь лежал?

– Там, наверно, – Егор показал на арку, – Пошли.

Когда друзья вернулись к арке, произошло первое, в какой-то степени, мистическое событие этой истории: шапка и шарф лежали аккуратно, на сухом месте, но никого из нападавших, только что не имевших признаков жизни, уже не было, как будто растаяли в воздухе.

– Испарились!

– Ну вот, а ты за них волновался.

Игорь нагнулся и собирался уже поднять свои вещи, но тут разглядел, что рядом с его вещами сидит большая белая птица. Не то чтобы от испуга, а скорей от неожиданности он отскочил в сторону.

– Ты видал это, Егор?

– Что там?

Птица наоборот, ничуть не испугавшись, вышла из темного угла на свет, прошла немного, как бы разминая ноги, и внимательно поглядела на людей.

– Это что, чайка? – спросил Игорь, как сугубо городской человек совершенно не разбиравшийся в птицах.

Птица, как будто отвечая на этот крайне некомпетентный вопрос, издала громкий трубный звук, покрутила головой, после чего, грациозно расправила крылья и не спеша вылетела через калитку на освещенную фонарями улицу. Но улетела она опять не сразу, а сначала исполнила что-то вроде мертвой петли и, протрубив еще раз в нижней точке этой фигуры пилотажа, уже окончательно набрала высоту и скрылась из глаз.

– Это ворон, только почему-то белый.

– Точно, – подтвердил Игорь, – Белая ворона. Альбинос. Ты помнишь, чучело было в кабинете биологии? Но та была меньше.

– Ворон – это не муж вороны. Это совершенно разные птицы.

– Бог с ними, с птицами. Пойдем, Ольга ждет.

Пока Ольга приводила себя в порядок, ребята успели уже опрокинуть по паре стопок под огурчик. Они оба были возбуждены и от драки, и от встречи, только по-разному: Игорь суетился, пытаясь что-то поставить на стол из посуды, достать чего-нибудь из холодильника, при этом, болтая без умолку и подхихикивая, что обычно ему было не свойственно, а Егор его практически не слышал; он смотрел сквозь это всё улыбающимися глазами, отвечал односложно и кивал невпопад.

Ольга появилась в ярком замысловатом халате, больше напоминающем бальное платье. Она подкрасилась и как-то хитро не до конца распустила свои красивые светлые волосы и получилась вроде бы и по-домашнему, а с другой стороны – палец в рот не клади. Егор залюбовался – он давно не видел европейских женщин в домашней обстановке, да собственно, и домашней обстановки в нашем понимании тоже. Егор любил азиаток, но любил появляться к ним на один вечер, максимум до утра. Они были тихие и ласковые как кошки в своих комнатах без мебели, даже вместо кровати чаще всего было что-то среднее между матрасом и одеялом, постеленное прямо на пол, одним словом – «половая жизнь». А тут была добрая, домашняя, довольно высокая натуральная блондинка, с прозрачной кожей и голубыми глазами.

– Ты что хихикаешь? – сразу наехала она на мужа, – жену чуть было не изнасиловали, а он хихикает.

– Ее все пытаются насиловать, то в такси, то в метро...

– Да! Один ты только...

– Этот вряд ли стал бы... это делать, – Егор решил вмешаться в этот скользкий для супругов разговор, – это были скинхеды... так называемые, – он повернулся к Игорю, – они тебя за иностранца приняли.

– Точно! Он мне французские стихи читал.

– Для них – что французский, что арабский, что еще какой, – они русским-то не владеют, – говоря это, Игорь наливал водку, – Ну!...

– Подождите немножко, не гоните, я сейчас уже, – Ольга за разговором успела привести стол в полный порядок: кроме салата и нарезок, появились дымящиеся котлеты с хитрым овощным гарниром и горячим соусом, – Двигайтесь ближе...

– Мне ближе некуда.

– Я не тебе – я гостю...

– Тогда, слишком официально...

– Мы брудершафт не пили.

– Сейчас и выпьем. Ну... за встречу! Теперь целуйтесь.

Ольга, еще не успевшая сесть за стол, подошла и смачно поцеловала Егора в губы. Губы у неё были мягкие, неинтересные. Егор сразу уткнулся в тарелку. Какая ему разница, какие у кого губы. И вообще, он не ел уже часов двенадцать – шоколадка под коньяк в самолете – не в счет.

– Ты насовсем прилетел?

– Не... – у Егора был полный рот и он просто покачал головой.

– Ты ешь, ешь, мы-то только из гостей... я молчу.

Однако, молчать он долго не смог.

– И куда, если не секрет?

– Наверное, в Карелию, еще точно не знаю.

– «Особенности национальной границы»? Кстати, ты как вообще, в пограничники попал? ты же, вроде, десантником был?

– Знаешь что, Игорь, давай не будем о грустном, – Егор отложил вилку в сторону, – Мне многое не нравится, что сейчас происходит, но я дал присягу и должен служить этой стране...

– Дай поесть человеку! – вмешалась Ольга.

– Нет, я всё... спасибо.

– А по рюмочке?

– Конечно!

– Давай... Ты меня прости, это не мое дело, как бы... а что у тебя квартира пустует? Сдавать бы мог... деньги бы получал хорошие.

– Тысячи две или три... баксов, – подала свой голос Ольга.

– Ну, это если евроремонт сделать...

– Еврейский ремонт? Это, как у вас примерно?

– А что, плохо?

– Хорошо... хорошо вы перегородку убрали – столовая получилась...

– Гостиная.

– Вам видней.

– Я серьезно – могу тебе помочь клиента найти.

– Ты что? как это сейчас называется? риэлтор?

– Нет, мы с Оленькой работаем в одной крупной турфирме...

– Это вы зря. Работать вместе – последнее дело. Я из-за этого развелся.

– Типун тебе на язык... А насчет квартиры, всё просто – есть у меня знакомый, хороший мужик, квартиру ищет.

– Нет.

– Тебе что? Деньги не нужны?

– Денег мне хватает... ты вряд ли поймешь... я офицер, а не ростовщик... или там рантье какой-нибудь. У меня из вещей-то вон – сумка да гитара, и больше мне не нужно. Не Шакьямуни, конечно...

– Извините, в целях повышения образованности – шакья-что? Игорь ответил сладеньким голосом:

– Шакьямуни, Оленька, это одно из имен Будды, которому вообще никаких вещей было не нужно.

– Так... я пошла спать.

– Подожди, завтра ж воскресенье – выспимся. Горыныч возьми гитару, будь другом.

– Уговорил.

Егор вышел в прихожую, где оставил свои вещи. Он с удовольствием на короткое время остался один. Разговор не складывался. Причем, это явно чувствовали все трое. Какими бы друзьями вы не были раньше, но разойдясь в стороны, и встретившись через длительный промежуток времени, вы так или иначе почувствуете, что встретились, собственно, с чужим человеком. Умом вы готовы к радости и избытку чувств, а слова не сходятся не смыслом не интонацией. Егор с удовольствием вообще бы ушел к себе, однако, он вернулся с уже расчехленной гитарой и большой среднеазиатской дыней.

– Я совсем про неё забыл. Вот эта дыня в вооруженных силах называется – торпеда. Оля, помой, пожалуйста... а ты наливай... а я буду играть.

Он довольно быстро подстроил гитару. Это была хорошая испанская гитара с мягким и сочным звуком. Играть он действительно умел. Гитара в его руках запела что-то тревожное, сначала тихо, потом все громче и громче. Потом от форте опять вернулась в пиано и снова поток звуков стал нарастать и так продолжалось достаточно долго и не хотелось, чтобы это заканчивалось, но последний аккорд прозвучал и струны стихли.

– Ты превзошел сам себя. Что это было?

– Бетховен, Людвиг Ваныч, в переложении ныне здравствующего соавтора.

– Нет, правда?

– Правда. Это – третья часть Лунной сонаты. Первая – почему-то в хитах, а вторую и третью не все знают, но мне третья нравится больше всех. Я нашел ноты для гитары, но сыграть это оказалось не просто... Представляете? Длинными зимними вечерами, где-нибудь на заставе или в отряде, человек мучает гитару... Печально, но факт – делать особенно нечего. Выбор занятий небольшой: с одной стороны, пьянка, бабы и карты; с другой – музыка, книги...

– Ты выбрал – второе.

– Я выбираю всё вместе и много. Вот послушайте я сегодня, подъезжая к родному дому, детство вспомнил и одну свою старую песню, – он прошелся по струнам и запел:

На старой фотке – помятый край
Веселый мальчик – забытый рай.
Фотограф верно увидел суть,
Из детства в небо уходит путь.
Блестящей струйкой течет вода
По детской мельнице...
Пройдут года...
Мечтай мальчишка об облаках,
Не будь игрушкой ни в чьих руках.
Черное, белое... Вещий страх.

Мелодия у него получилась какая-то из пятидесятих годов прошлого века, действительно, как пожелтевшая черно-белая фотография или старая, потертая пластинка.

На щечках ямочки, вода с колес,
Штанишки – ляпочки на перехлест.
На подоконнике – калейдоскоп,
Юла усталая с разгону – хлоп...

Калейдоскопом жизнь с тех пор была,
Волчком крутилась моя юла.
Вся жизнь рулетка – забудь расчет,
Поставь монетку – поможет черт.
Красное, черное – чёт, нечёт.
Рулеткой русской сложилась жизнь,
Колеса мельницы катились вниз.
Затвора лязганье – пустой щелчок.
Матерым волком стал мой волчок.
Флажков веревочку порвать пора,
И ну их к черту. Вся жизнь игра.
Вся жизнь рулетка – забудь расчет,
Поставь монетку – поможет черт.
Красное, черное – чёт, нечёт...

Ольга, пристроив подбородок на руки, сложенные на столе, смотрела на мужчин, переводя взгляд с одного на другого и сравнивая. Егор сначала ей показался простоватым, особенно в сравнении с классически красивым, хоть и привычным, как тапочки, Игорем, но сейчас глаза Егора ушли куда-то в бесконечность и лицо как бы засияло. Довольно высокий рост Егора, склонившегося над гитарой, сейчас не бросался в глаза, но взгляд... Или это торшер создавал такую подсветку, вроде нимба на коротко стриженной голове. Погоны стали похожими на старинные эполеты, а случайная тень – на заливчатские гусарские усы. Ольга поймала себя на предосудительных мыслях.

Естественную тишину после песни нарушил Игорь:

– Это не Шакьямуни – это, скорее Фридрих Ницше.

– Ну уж, только не Ницше, – отложив гитару в сторону, ответил Егор.

– Если пошла философия, то и я пойду... – (от греха) додумала Ольга уже про себя.

– Спокойной ночи! Оленька, иди, ложись.

Игорь с Егором расходиться не собирались. Постепенно, под действием выпивки или гитары нескладность разговора выправилась и они просидели всю ночь. Когда Егор тяжело, с трудом преодолевая ступеньки, поднимался к себе – было уже светло.

3. Против всех

В аэропорту «Кеннеди» не смотря на огромное количество самолетов, прибывающих и отбывающих, кажется, никогда не бывает много народу – он как-то рассредоточивается. Когда ваше такси подъезжает к паркингу, какие-то ребята в униформе, размахивая руками, начинают командовать вашим водителем и выпихивают его с площадки так быстро, что можно не успеть забрать чемоданы. Потом попадаешь в неясных размеров помещение, где, видимо, и происходит рассасывание людей по разным терминалам, или как они там называются?

Впрочем, как и в большинстве других аэропортов мира, разница между прилетом и отлетом огромная. Когда прилетаешь в Нью-Йорк, прямо из самолета попадаешь в какие-то мрачные катакомбы, где за ограждением сидят очень бдительные люди, без какой-либо униформы: то ли пограничники, то ли таможенники. Они поставлены там для того, чтобы не пропустить на территорию Соединенных Штатов лишнюю банку соленых огурцов или там – шмат сала, и вообще, оценить, не ошиблись ли в посольстве, выдав вам въездную визу. Могу поделиться личным опытом: в качестве приветствия вместо слов «хай» или «хау дую ду» или, не приведи господь «здрассьте», следует употреблять слово «шалом». От этого волшебного слова лица блюстителей светлеют, в глазах появляется отражение тонкости понимания вопроса, и вас довольно быстро выпускают на волю.

Пройдя этот кордон, вы попадаете на площадь, к паркингу, где парни в униформе быстро быстро выпроваживают машины...

Наша героиня, та самая «крези» Энн и её друг Дик быстро выгружали вещи из минивэна. Это были какие-то деревянные ящики, коробки и проч.

Была уже середина июля. Алекс выполнил свои обещания довольно быстро. В Москве их ждали – должны были встретить и проводить в Карелию. Подготовка экспедиции заняла около трех месяцев, что объективно можно считать очень оперативным, хотя Энн была другого мнения – ей казалось, что прошла целая вечность, но это не удивительно, с её рапидным темпераментом.

– Ты всё выгрузил, Дик?

– Да, по-моему, всё...

– А где твой чемодан?

– Вот он.

– Это мой чемодан, ты не всё взял из багажника.

Машина, подгоняемая униформистом, уже набирала скорость.

– Стоп!... стойте! Стойте! – Энн, крича это, еще и притоптывала ногой, но эта строгость не возымела действия, в машине её очевидно не слышали и тогда, она перенесла огонь на объект более доступный, – А ты чего стоишь, руки расставил? Делай же что-нибудь!

Дик, действительно расставил руки, верней, он задумчиво хлопал своими длинными руками себя по бедрам. Услышав призыв подружки, он сорвался с места и побежал за машиной. Руки его по инерции продолжали хлопать и поэтому, со стороны он стал похож на петуха, который, разгоняясь, помогает себе крыльями. Бессмысленность погони была очевидна, единственный вариант был – связаться с провожавшим их водителем по телефону – что тут же и сделала Энн. А Дик, убежал совсем недалеко: переходя на полосу автомобильного движения, он неудачно наступил на бордюр и упал.

Когда минивэн, сделав круг, вернулся к исходной точке, здесь начиналась «катастрофа». Перегородив всё нормальное движение, возле упавшего Дика, уже стояли: большая пожарная машина, реанимобиль и полицейская машина; все с включенными световыми и звуковыми сигналами. Как выяснилось, Дик упал не совсем удачно – у него образовался закрытый перелом ноги и на некоторое время он даже потерял сознание от болевого шока.

Быстро подъехавшие врачи знали свое дело: они сделали обезболивающий укол, наложили шину и всё остальное, что положено в таких случаях. Через несколько минут пострадавший уже улыбался, но о том, чтобы продолжать путешествие не могло быть и речи – уложенного на коляску Дика, уже везли к машине. Он смущенно говорил, державшей его за руку, Энн:

– Прости меня... я испортил всё дело... всё срывается, Бог мой! Это могло стать нашим взлетом... прости меня! Наверное, это судьба! Это мистика... Я почти сразу заметил – все, что связано с этим делом... мистика какая-то.

– Тебе сейчас нельзя волноваться... не волнуйся. Не волнуйся за меня.

– Не понял? Ты что решила?

– Я решила лететь, не смотря ни на что. Такой шанс представляется раз в сто лет, максимум, два раза. Я не могу отказаться...

– Тогда я лечу с тобой, – Дик рванулся с коляски, но тут же опять потерял сознание. Энн с санитаром уложили обмякшее тело на место. Дик, почти сразу, пришел в себя. Он почувствовал поцелуй в щеку и услышал шепот:

– Ну, вот видишь? Тебе нельзя. Не переживай телефон у меня всегда с собой будем общаться постоянно...

– Но ты не представляешь, что это за страна... Там же... Кто тебя защитит в случае чего?

– Мир не без добрых людей, – сказала Энн по-русски.

– Что?

Она перевела на английский и добавила:

– Не забывай, что у меня русская бабушка, и я знаю язык... а язык до Киева доведет...

– До какого Киева?

Впрочем, этот вопрос он задал уже из-за закрывающейся двери медицинской машины и ответа не услышал.

Пока Дик у оказывали первую помощь, и подойти к нему всё равно не было возможности, Энн поменяла чемоданы и сдала вещи носильщику, поэтому, как только затих рев сирен отъехавших спецмашин, она, не оглядываясь, поспешила на посадку. Времени оставалось мало.

В какую авантюру она ввязалась Энн начала понимать только в самолете. Ей стало страшно. Каким бы неловким не был Дик, он был своим, почти уже родным человеком. Он был бы рядом, она могла бы им командовать, в мире была бы гармония, а теперь... Почему-то выплыли из памяти телевизионные передачи про Россию: эти грязные улицы, где бродят бандиты и проститутки, разбитые дороги, взрывы в метро, захваты заложников. Если верить передачам, то в России более или менее сносно только в Большом театре и в Кремле, потому что туда никого не пускают. Мысли эти были явно запоздалые – самолет, уже оторвавшись от земли, резко набирал высоту.

Родиной Энн была «одноэтажная Америка». Её родители имели дом в Нью-Джерси, недалеко от поселка Разина, где жила её бабушка, рано потерявшая мужа. Америка – страна иммигрантов, которые иногда ассимилируют в местном населении, но чаще, живут национальными колониями, особенно в больших городах и рядом с ними. Это – городские кварталы, или поселки за городом, итальянские, еврейские, негритянские (простите, я хотел сказать – афроамериканские), русские, армянские, калмыцкие и т. д. Поселок, где родилась и жила, до окончания школы Энн, был смешанным, то есть стопроцентно американским. Отец её был врачом в местной больнице, мать работала там же сестрой милосердия, но со временем, переqualificировалась в домохозяйки. В школу Энн возил желтый автобус, а во время каникул, её отправляли к бабушке, где стояли две русских церкви с колокольнями и, вообще, бытовой уклад считался русским.

Энн с детства была пытливой девочкой – она не стеснялась задавать вопросы и, что самое главное, всегда внимательно слушала ответы. Училась всегда хорошо, много читала, в том числе и на русском. Американская жизнь приучает к самостоятельности, что, безусловно,

нужно отнести к достоинствам этой страны. В старших классах Энн подрабатывала в кафе и на бензоколонке, имела свои деньги, а когда получила приглашение из Бостона на учебу, собралась и уехала. Тут началось её самостоятельное существование, о котором она давно мечтала.

У нас, в России, большинство людей узнают американскую действительность по изделиям Голливуда и уверены, что пить, курить и говорить американцы начинают одновременно, где-то, если не в начальных, то в средних классах школы. На самом деле – это не так. Америка, весьма пуританская страна, особенно это справедливо в маленьких городках и поселках. Энн отправилась в Бостон весьма девственной во многих жизненных вопросах.

Главная суть человека, больше всего, видна из того, как он использует свою свободу. Поселившись в Бостоне и, обрета, наконец, эту самую свободу, Энн почти всё время посвящала учебе. Она, конечно, имела друзей, ходила на «пати», попробовала марихуану – не понравилось. Она выбрала себе мальчика, как охотник выбирает себе жертву, среди стада оленей, как ученый планирует и ставит эксперимент, описывать который здесь нет никакой необходимости. Этот эксперимент надолго отбил у неё желание общаться с противоположным полом. И вообще, основная радость и горе её жизни, заключались в том, что она жила «от ума» – сначала подумает, потом сделает. Вроде бы хорошо? Но дело в том, что если то, что она задумала, не сбывалось, это доставляло ей невыразимые муки.

Дика Энн повстречала уже в Нью-Йорке, где обосновалась после учебы. Она давно и страстно хотела устроиться в Нью-Йорке – она не мыслила счастья вне огромного города. Родившихся в деревнях, почему-то тянет в большие города (и наоборот). Наверное, поэтому, на самый верх выбиваются по большей части провинциалы.

Дик выглядел нескладным, не приспособленным к жизни, о нем надо было заботиться, направлять его куда надо, отчитывать, в случае необходимости, что, при кипучем характере Энн вполне годилось, чтобы удовлетворить потребности души. Она привела его к себе, уложила в свою постель и назначила женихом. Это была, хоть и странная, но гармония.

И вот теперь, гармония разрушилась.

Она представила себя одну, маленькую и беззащитную в этой огромной диковатой стране, которая была, правда, родиной её предков, но осознать это, почувствовать было не так легко. Она откинулась в кресле и закрыла глаза. Ей представлялась сибирская тайга, степи, покрытые снегом, и еще, почему-то лошади и собаки. Это был еще полусон, когда гипнотические образы еще мешаются с реальностью. Энн неудобно повернулась и поняла, что засыпает и открыла глаза, как если бы вынырнула из колодца на белый свет, но грезившиеся ей образы, продолжали стоять перед глазами: две красивые красные лошади с черными длинными гривами и пышными хвостами до земли, укрытой чем-то белым, похожим на облака под крылом самолета. На круп передней лошади прилетает и садится большая белая птица, похожая на ворона, только почему-то белая как снег. Лошадь не обращает на птицу никакого внимания, но вокруг неё бегают с лаем большая дворового вида собака, пытаясь устранить непорядок. А птица с высоты своего положения разглядывает собаку умными глазами и покачивает головой, как бы говоря: «Суета сует и всяческая суета». Энн провела рукой перед собой, отгоняя виденье, и опять закрыла глаза. Через минуту-другую, Энн уже сладко спала, уткнувшись лбом в мягкую обшивку рядом с иллюминатором, за которым, далеко внизу, сверкал под вечерним солнцем огромный Океан.

4. На родине предков

Шереметьевский аэропорт оставил не самое лучшее впечатление в жизни Энн Шертли. Но надо понять и таможенников – багаж американской туристки больше чем наполовину состоял из непонятных коробочек с электроникой. Ребята решили, что столкнулись или с изощренной контрабандисткой, или простоватой шпионкой из ЦРУ. На помощь таможеннику, производившему досмотр, пришли двое товарищей, которые чуть позже вызвали начальника, тот по телефону пригласил пограничников, те в свою очередь призвали симпатичного мужчину в штатском из соответствующего учреждения. Так могло дойти и до представителя посольства Соединенных Штатов и вообще Бог знает до чего, однако все неожиданно устроилось. Энн догадалась позвонить встречавшему её в аэропорту представителю туристической фирмы, некоему Игорю Мартьянову (уже знакомому нам), тот появился почти сразу, увел куда-то пограничного начальника, вернувшись, предъявил какие-то бумаги мужчине в штатском, в результате последний тут же откланялся и удалился, вслед за ним рассосались и остальные. Путь в страну предков был свободен.

В то же время, это в целом неприятное событие имело и приятную для Энн сторону – Игорь взял на себя все дальнейшие хлопоты с багажом. Энн, памятуя о происшествии в Нью-Йорке, продолжала беспокоиться до тех пор, пока все вещи не были уложены в машину. Это был новенький микроавтобус европейского производства с большим туристическим салоном. Игорь представился исполнительным директором фирмы, поэтому Энн ожидала увидеть еще и водителя, но за руль сел сам директор. Энн устроилась впереди, пристегнулась ремнем безопасности и приготовилась к новым впечатлениям. Игорь, к удивлению Энн, ремнем пользоваться не стал, хотя сразу по выезде из зоны аэропорта, набрал очень большую скорость.

Приятное солнечное летнее утро не омрачалось обилием машин – дорога здесь была почти пустая. Вдоль дороги, за мелькающими рекламными щитами, уходили назад поля с перелесками, непривычные глазу постройки; но, в целом, пейзаж не очень отличался от американского, если не считать какой-то общей запыленности и плохого качества асфальта. Однако, свернув влево, на основное шоссе, они сразу попали в пробку. Микроавтобус застрял в правом ряду у самой обочины. Стоявший слева большой грузовик обдавал их черным дизельным дымом, водитель грузовика, видно от скуки, периодически нажимал на газ. Справа – легковые машины протискивались по грунтовой обочине, поднимая облака пыли. Окна микроавтобуса были плотно закрыты, работал кондиционер, но автомобильный перегар пробирался через все фильтры и, хотя это было невозможно, Энн казалось, что на зубах скрипит песок.

Игорь не обращал на все это внимания. Он был весел, и все время что-то говорил. Сейчас он ей рассказывал о том, как ему удалось освободить её с таможни:

– Просто анекдот какой-то... Пограничников предупредили о вашем багаже. С пограничниками у нас, вообще, договоренность на самом высшем уровне – нам же в погранзону вас еще доставлять... но это же Россия... они вас не узнали. Перепутали.

– Скажите, Игорь, а не проще было бы заехать сразу к озеру со стороны финской границы?

– Я ж это сразу и предлагал. Вы бы прилетели в Хельсинки – оттуда до места километров триста – четыреста... а от Москвы – больше тысячи. Но это же Россия – здесь все через ж... э... через Москву всё делается. Наш бюрократический аппарат неисповедим, как пути господни... я так думаю, вас не хотят показывать в финской погранзоне... как будто вы там и не были вообще...

В этот момент Игорь увидел, что обочина пуста. Он резко крутанул руль и дал по газам.

– Я прошу прощения за это варварство... но иначе мы тут до вечера простоим.

Машины на обочине сильно болтало из стороны в сторону, но они все же продвигались вперед, не так, правда, быстро, как хотелось бы, потому что периодически и этот незаконный ряд вставал. Когда прекращалась болтанка машины, Энн незаметно, из-под затемненных очков, разглядывала своего попутчика, внешность которого её привлекла еще в аэропорту. Это был очень красивый мужчина лет тридцати, может – чуть меньше. У него было лицо голливудского киноактера. «Ему бы играть ковбоев с Дикого Запада». Четко очерченное лицо было и не бледное и не смуглое, каждая его деталь была отделена от другой особой линией, похожей на морщину, но это были не морщины, а что-то другое. Так же, как и ямочка на подбородке – у некоторых мужчин бывает ямочка на подбородке сильно импонирующая женщинам, правда, Энн эти ямочки терпеть не могла, но тут это смотрелось красиво: ямочка вроде бы и была, но, как бы её и не было, потому что она имела прямоугольную форму и появлялась только иногда, при особом положении губ. «Нет, это скорее лицо римского патриция» – решила Энн и спросила:

– А куда мы едем, Игорь? Вы меня с программой не ознакомили...

– Прошу прощения от имени фирмы. Обычно мы распечатываем программки на красивых бланках, но с вами не тот случай... некоторые пункты программы мы никак не можем фиксировать письменно, вы понимаете? Да и программа простая – я сейчас вас устрою в гостиницу, а завтра вы на этой машине, по этой же дороге поедете в обратную сторону, – он показал большим пальцем назад, – С вами будет водитель и э... и экскурсовод – хорошая женщина, опытная... поедете в Карелию на ваши озера.

– Завтра? Я не поняла – завтра? Почему завтра?

После этой её жалкой реплики произошло то, о чем предупреждают все умные люди – она проболталась. Говорят же: хочешь сохранить секрет – не доверяй его женщине; или грубее: что знает женщина – знает свинья. Есть еще много поговорок на эту тему, поэтому, не будем судить её строго.

Перед отъездом, они с Диком дали Хотланду святую клятву, что ни одна живая душа не узнает о реальной цели их путешествия. Была даже придумана специальная легенда для особо любопытных: они, де, занимаются сейсмическими измерениями в карстовых разломах, так как в связи с глобальным потеплением резко увеличивается возможность возникновения новых вулканов. Особенно это возможно на Карельском перешейке, Новой Земле и на восточной оконечности Кольского полуострова. Причем, на посещение последних двух пунктов были даны официальные запросы, на что сразу же был получен категорический отрицательный ответ, ну, то есть, ни под каким видом. Ну и хорошо, нет, так нет, поэтому они проведут измерения хотя бы здесь, в Карелии. Дескать, всем же лучше будет, в случае чего. Вполне правдоподобная легенда.

И вот теперь, первое, что сделала Энн в России – она разболтала «первому встречному» (причем в буквальном смысле этого выражения) всё, о чем обещала молчать: и об экспедиции финна столетней давности, и о его дневниках, и о ящерах с информацией о том, что Земля устроена совсем не так, как мы считаем. И о том, что известны точные даты их появления и, что эти даты как-то таинственно связаны с особо мощными взрывами, и, вообще, всё, что они с Хотландом изучили и продумали по этому вопросу.

То, что Энн проболталась, не удивительно – удивительно то, что Игорь во все это поверил. И не только поверил, но и принял губительное для себя решение ехать с ней в Карелию. Решение его требует пояснений: дело в том, что Игорь, хоть и имел внешность супергероя, но всегда был трусом, ясно осознавал это и почти не стеснялся этого, даже в детстве. Однако, в тот памятный весенний вечер, когда на него напали скинхеды и, откуда ни возьмись, появился Егор, приятель из детства – недостижимый для Игоря идеал храбрости, что-то вдруг изменилось – страх пропал. Первой это заметила жена, когда утром по привычке решила устроить мужу головомойку за бессонную ночь – она только встретила глазами с его взглядом и всякая

охота ругаться пропала. Игорь по-другому стал заходить к начальству, по-другому стал водить машину. В нем поселилась какая-то сила, которая проявлялась исподволь, в разных мелочах, и вот сейчас эта же сила позвала его. Это было главной причиной, но были и другие разрозненные и, вроде бы не зависящие друг от друга причины, вдруг объединившиеся в одно целое. У него в голове как бы замкнулась цепочка, отдельные звенья которой валялись до этого без дела. Выглядели эти звенья примерно так:

Они с Ольгой собрались в отпуск, но куда именно ехать еще не понятно;

За границу ездить надоело;

В Карелии очень красиво;

В том самом погранотряде служит Егор;

Шофер микроавтобуса с сегодняшнего дня уволен за пьянку и, кого послать вместо него, совершенно неясно, да и с экскурсоводом проблемы;

За поездку будут неплохие деньги – Ольга согласится поехать и с удовольствием;

Очень интересно посмотреть на всю эту фантастику...

Всё. Цепочка защелкнулась. Игорь позвонил шефу – долго уговаривать того не пришлось, шеф уже числил Мартынова в отпуске и не рассчитывал на него по работе, деньги пообещал перевести на кредитный счет, а карточка у Игоря всегда с собой, поэтому «счастливого пути». На вопросительный взгляд Энн Игорь ответил:

– Едем... едем сегодня, но нам все равно придется заехать в Москву – надо взять экскурсовода. Мы, собственно уже в Москве, нам совсем рядом – на Сокол. Неужели совсем не хочется Москву посмотреть? Кремль там... Третьяковка?

– Хочется, но это на обратном пути. Сначала – дело.

– И то...

Ольга собралась на удивление быстро. Надо сказать, собирать-то особенно было нечего – она побросала в сумки всю спортивную одежду, свою и мужа, немного бельишка и гигиенических средств, как будто на дачу к родителям. Сложней оказалось подготовить комплект походной косметики – здесь пришлось проявить изворотливость, но и с этим решилось. Светских раутов не намечалось, но одно вечернее платье она, все-таки положила. На всякий случай. Одним словом, пока Энн принимала душ и происходило кофеепитие, в котором Ольга тоже умудрилась принять участие, она уже была полностью готова.

Была еще первая половина дня. Выезд из Москвы оставался достаточно свободным – ехали медленно, но ни разу не стояли. За Москвой долго тянулись пригороды перемежаясь лесами и полями (Энн очень понравилось название поселка «Черная грязь» она аж запрыгала от восторга).

Ольга, на самом деле взяла на себя обязанности экскурсовода – она почти постоянно что-то рассказывала и показывала, но Энн по-настоящему запомнились только: дом Чайковского в Клину и великая русская река Волга, которая оказалась здесь не такой уж великой, широкой и мощной, как представлялось из-за океана. Чем дальше они отъезжали от Москвы, тем больше вырастала скорость их передвижения, и тем хуже становились дороги. Тем не менее, Энн к этому скоро привыкла и перестала обращать внимание.

По дороге они несколько раз останавливались в трактирах, где их довольно вкусно кормили. Тревоги Энн по поводу варварской страны почти рассеялись, и главным неудобством дороги стало отсутствие ватерклозетов – в трактирах были выгребные ямы, закрытые сверху дощатыми сооружениями, а на заправках, почему-то вообще ничего такого не было. Но Энн решила не обращать внимания на мелочи – она приготовилась уже жить в палатке на озере, а там придется обходиться кустами.

Санкт-Петербург они объехали стороной и к ночи вышли на Мурманскую дорогу. Правда, настоящая ночь осталась сзади, на юге, там было темно, а вся северная половина неба

впереди была светлой. По бокам стояла не ночь, а, скорее, плотные сумерки. Игорь въехал на огороженную стоянку, к бревенчатому теремку и объявил, что здесь они заночуют.

Теремок оказался вполне подходящим. Первый этаж состоял из столового зала и подсобок, а на втором – располагались три гостевые спальни с холлом. В зале их встретила хозяйка, средних лет женщина, с улыбчивым простоватым лицом. Когда она узнала, что гости собираются не только ужинать, но еще и ночевать, разулыбалась еще больше. Она сводила их наверх: супругам предложила довольно большую комнату с двуспальной кроватью, а для Энн предназначалась комнатка поменьше, но очень уютная. Удобства, конечно, располагались на дворе.

Несмотря на позднее время, хозяйка предложила усталым путникам полный ассортимент горячих блюд, однако путники отказались, предпочтя овощные салаты и холодное мясо с хлебом. За время путешествия Энн успела убедиться, что кофе в России варить не умеют, поэтому заказала себе чай. Игорь почти не ел и быстро ушел спать, но женщины, которые полдороги проспали в машине, доели всё, заказали еще и мороженого. Они успели подружиться и теперь тихо мурлыкали о своем, о женском.

В зале появилась молодая девушка, видимо, дочь хозяйки, до этого гремевшая посудой в подсобке. Чуть позже, появился и хозяин – он отвозил предыдущих гостей в соседний город. Они всей семьей сидели у телевизора – смотрели сначала новости, потом какой-то голливудский блокбастер. Энн отметила для себя странность: чем разнообразнее кажется этот вечный мир, и чем он становится доступнее, тем однообразней становятся люди – точно так же выглядела бы эта ночь где-нибудь в Оклахоме или на Мичигане, разница была бы в мелких деталях. Как бы в подтверждение её мыслей, зазвонил телефон, и Энн соединилась с Нью-Йорком. Дик говорил, словно из соседней комнаты – чисто и без помех. Его уже отпустили из госпиталя домой. Энн заверила его, что с ней все в порядке.

Игорь проспал меньше двух часов. Женщины только собирались расходиться, когда он спустился вниз и сказал что готов ехать дальше. Игорь действительно, выглядел посвежевшим и вполне бодрым. Ольга встретила это известие без энтузиазма, но Энн, только что не запрыгала от радости, что поделаешь – такой человек – она просто пока стеснялась в чужой стране, с чужими людьми, но дай ей волю, растрясла бы всех, вывернула бы на изнанку лишь бы все шло так, как она задумала. Ей не терпелось побыстрее добраться до места, поэтому Энн тут же выпорхнула из-за стола и вышла из гостиницы – за её сумкой пришлось подниматься Игорю.

На дворе было уже совсем светло.

5. Сладкий сон

Егор проснулся от дискомфорта. Не то чтобы имелось какое-то неудобство или ему что-то мешало, скорей наоборот – было слишком хорошо: слишком тепло, слишком мягко и до сиюминутности уютно. Не мешало даже легкое похмелье, а как бы придавало шарма – изюминка эдакая. Выкарабкиваясь из сна, он постепенно начал осознавать, что лежит под одеялом на спине, на своем диване, что под тем же одеялом находится совершенно голая дама, голова которой с копной рыжих волос покоится у него подмышкой, а её большие упругие груди обнимают его левый бок. И как только он всё осознал и прочувствовал, сразу проснулся и вспомнил всё: эту даму он видел второй раз в жизни. Нет, сегодня уже – третий. Еще он её видел вчера и в прошлую субботу. «Так... утренний синдром – как её зовут? Зовут её Лида... да, Лида... Это же Лида!».

В прошлую субботу он утром уехал с заставы и провел полдня в отряде – ни столько дела, сколько пустой трёп – решил остаться в городе и уже ближе к вечеру зашел поужинать в кафе, рядом с домом, где он снимал маленькую квартирку. За соседним столиком что-то отмечали три девушки, верней две девушки и дама. Молодая дама. Почему-то сразу она ему запала в сознание как дама, не девушка, не женщина, а именно дама – во всей её фигуре и в движениях было что-то непреодолимо женственное, из романов прошлых веков. Из самого близкого по времени, такие дамы могли встречаться, если что у Чехова. По идее, самцы должны были кружиться вокруг неё роем, но этого не наблюдалось. Когда она посмотрела на Егора, он понял, почему этого не происходит – она обдала его таким холодом, такой неприступностью, что не очень настойчивый кавалер сразу бы спасовал. Впрочем, была еще одна причина – возле обычного мужчины в этом городе она смотрелась бы крупновато. Мужчины любят крупных женщин, но, к сожалению, смотрятся рядом с ними смешно. Когда Егор пригласил её танцевать, и они встали рядом, оказалось, что ростом они были одинаковы, правда Лида была на каблуках, но рост Егора – метр девяносто с мелочью.

Егор от волнения заказал еще коньяку, еще и еще раз танцевал с ней, и с третьего танца, уже совершенно откровенно предложил ей свою дружбу. Однако, танцевать-то она танцевала, а всё остальное пропускала мимо ушей. Егору даже не удалось её проводить, потому что за девушками пришла машина и увезла их в неизвестном направлении.

Когда дама вышла из непосредственного поля зрения, Егор почти сразу о ней забыл, во всяком случае, на следующий день и всю неделю он не вспомнил про неё ни разу. И вот, вчера, в этом же кафе, Витя Мишкин обмывал майорскую звездочку. Ордена и звания обмываются довольно шумно. Хороший человек обмываемый или плохой, не имеет значения – это праздник войскового братства, гусарская гулянка. Сдвинутые столы в темном углу кафе, звездочки в бокалах, шум, звон. И вдруг, кто-то кладет руку Егору на плечо, даже не на плечо – там колючий погон, а ниже – почти на грудь. Она. Дама. Лида.

– Белый танец, – и больше ничего не сказав, указала на середину зала.

Они танцевали вальс. Егор умел танцевать вальс. Научился еще курсантом под старую пластинку. В семье, как реликвия хранилась старая пластинка, называвшаяся «Под кленами»: «И в вальсе закружились, играл на мостовой военного училища оркестр наш духовой». Лида заказала такой же приятный старый вальс. Егор был весел и в ударе. Кружась в вальсе, он держал её за талию и смотрел в глаза. Только глаза были другими, не такими отчужденными, как в прошлый раз – теплыми. Когда закончилась музыка, они так и остались стоять, обнявшись.

– Я принимаю ваше предложение, – тихо произнесла она, видимо, заранее заготовленную фразу.

– Почему? – выдал Егор, понимая, что глупей этого уже ничего не придумать.

– Потому что ты меня достал! Ты снился мне всю неделю, ты приставал ко мне каждую ночь! Но как только доходило до дела, ты разворачивался и уходил. Всё, хватит, отработывай!

– Что, прямо здесь?

– Как хочешь.

Они ушли сразу. Егор даже ни разу не оглянулся на стол, где остались его боевые товарищи.

Егор, потихоньку освободившись, встал и ушел в ванную. Егор не любил смотреться в зеркало, но, когда чистишь зубы, невольно утыкаешься в это приспособление. Из зеркала на него глянуло небритое и слегка помятое лицо, с зубной щеткой во рту – типичный русский Ванек – пришлось сразу бриться, чтобы хоть как-то примириться со своей внешностью. Возвращаться в комнату совсем раздетым Егор не решился – накинул халат, висевший рядом с полотенцем.

Уходя, Егор аккуратно поправил одеяло на своей даме, это он точно помнил. Сейчас же одеяло было сброшено – дама лежала в позе Данаи, с закрытыми глазами и вроде как спала. Он сел в кресло напротив, закурил и с глуповатой улыбкой уставился на свою подругу. Картина была замечательная: центр композиции – телесный холм с пушистым треугольничком посредине – безусловно доминировал и притягивал взгляд. От него в обе стороны шли покаты вниз: вправо – плавной линией бедер к круглым коленкам и далее, до самых пальчиков с розовыми ноготками (без признаков лака); влево – к талии и чуть выпуклому животу, гораздо более приятному, чем у настоящей, т. е. картинной Данаи, и потом линия опять шла вверх, обрамляя две шикарные выпуклости, и опять вниз, где среди рыжих волос нельзя было не залюбоваться её лицом, которое несколько не портил нос с легкой горбинкой. Всё это великолепие было плотно обтянуто матовой кожей, делая её похожей на мраморную статую. Было еще что-то, усиливавшее впечатление классической скульптуры. Егор не сразу заметил – на грудях у неё не было сосков. Груды были равномерного белого цвета, чуть может белее остального тела, с легкими заострениями посредине.

– Нравится? – она произнесла, не открывая глаз, совершенно не сонным голосом, и не дожидаясь ответа, который знала наверняка, продолжила, – кофе у тебя есть?

– Есть. И даже сахар есть... а для хороших людей, еще и баранки...

– Неси! Хотя, нет... я сама пойду...

Она легко соскочила с дивана, покрутилась у зеркала и элегантной походкой удалилась из комнаты. Егор остался в кресле, чтобы дать ей возможность привести себя в порядок и вышел на кухню только, когда услышал оттуда металлический грохот.

– Я уронила какие-то крышки, – она стояла, виновато глядя на беспорядок, – что у тебя с посудой? не поймешь, что где лежит...

– Я сам не знаю. Всё это мне досталось в комплекте с квартирой... я не пользуюсь.

– Заметно... Сейчас у тебя будет порядок!

Она закрутилась по кухне, разбирая, протирая и расставляя предметы по-своему. Егор, как остановился у двери, так и стоял, наблюдая за этой суетой. Кухня, конечно, была маленькой, но не до такой степени, чтобы всё время задевать друг за друга – Лида это делала нарочно. Она даже и не подумала одеться и, дразня Егора, периодически терлась об него, то грудями, то попой. Наконец порядок был наведен, кофе разлит, в какую-то вазочку уложены баранки и шоколадка, которая появилась, видимо, из Лидиной сумочки. Они начали завтрак. Лида села вполоборота к Егору, сказав, что любит смотреть, как мужчина ест, и, действительно не сводила с него глаз. По мере того, как пустели чашки, она стала придвигаться всё ближе и ближе и, когда Егор поставил пустую чашку на стол, она уже совсем обняла его ногами.

– Хорошо тебе со мной? – Егор попытался что-то ответить, но она закрыла ему рот ладонью, – а ты оказался гораздо лучше, чем в моих снах... а почему ты не спрашиваешь ничего про меня? Замужем я или нет? Или еще что-нибудь?

Она хитро смотрела ему в глаза, но руки с губ не снимала и, единственное, что оставалась Егору для ответа – это возможность целовать её пальцы.

– Сколько сейчас времени? – тут она убрала руку.

– Вон же часы – двадцать минут десятого.

– Я не могу смотреть на часы – я смотрю на тебя... я должна насмотреться на неделю вперед. Ровно в десять я должна буду уйти – у нас еще уйма времени для полезных дел... быстрее... быстрее в постель – я не могу больше терпеть...

Егор вышел из дома в половине одиннадцатого. У подъезда его ждал Уазик. Егор запрыгнул в машину.

– На заставу!

Он пребывал в прекрасном настроении и, против обыкновения, не стал ругать водителя, хотя машина была помыта не идеально – на подкрылках виднелись следы грязи. На предыдущем месте службы, в горах, он не обращал внимания на такие мелочи. Там после первого же километра езды, машина покрывалась толстым слоем пыли, да и всё вокруг было каким-то пыльным, неприбранным. Всё соответствовало одно другому. Но здесь – совсем другое дело.

Сразу по приезду сюда, к новому месту службы, ему очень понравился этот город с новыми красивыми домами – наукоград, построенный в самые последние годы существования Союза в сорока километрах от финской границы. В конце марта, когда Егор появился здесь, город еще прикрывался снегом, везде, включая дороги, снег был почти совершенно белым, сверкающим под ослепительным солнцем, что выгодно отличало эти места от погрязшей в слякоти Москвы. Даже зимой город оставался зеленым – редкие дома, расположенные на пригорках, прятались в соснах, которые непонятно как успели вырасти за такое короткое для деревьев время. Егор думал – когда сойдет снег, город поблекнет, но этого не произошло, весной город расцвел и стал еще краше. Сейчас, летом зелень немного потускнела, но пыли не было. Город стоял на песке и камнях и всегда выглядел свежевывытым. В таком городе просто стыдно было бы появляться на грязной машине.

Автомобилей в городе, как, впрочем, и пешеходов было немного, а когда за городом повернули к границе, на дороге стало совсем пусто. Здесь по большей части ездили финны на своих лесовозах, но они проезжали, в основном, группами – утром или вечером и не по выходным. На КПП командирскую машину заметили издали. Солдат, сидевший у шлагбаума, сразу же исчез в будке, а когда уазик остановился, весь личный состав КПП стоял навтыжку вдоль дороги. Егор еще только открыл дверцу, а уже от строя отделился небольшого росточка сержант и строевым шагом двинулся к начальнику.

– Товарищ капитан, за время вашего отсутствия происшествий не было. Дежурный по КПП сержант Ерохин.

– Вольно! Что не веселые? – Егор все еще улыбался своим мыслям.

Солдаты, до того момента напряженные, сразу поняли настроение командира и тоже разулыбались.

– Разойдись!

Ребята сбили строй, но расходиться не торопились, словно ожидая от командира конфетку, только один из них пошел открывать шлагбаум. Ерохин подал командиру журнал и сказал:

– Товарищ капитан, генерал был... час назад отбыл в город.

– К границе ездил или на заставу?

– Он мне не докладывает.

Егор дальше поехал за рулем. Его внутреннее состояние требовало выхода. Он отсадил водителя на место пассажира и предупредил:

– Будешь ездить как я – голову оторву!

Солдаты смотрели вслед быстро удаляющемуся Уазу.

- Лихой у нас капитан.
- Небось, в карты вчера, выиграл...
- Нет... такое настроение только от хорошей бабы бывает.
- Старшим в жопу не заглядывать! – вмешался Ерохин.
- А кто чего говорит... всем бы таких капитанов, не то, что тот был... тютя очкастая.

И подались в сторону своего вагончика.

Егор остановил машину почти на лестнице. Стоявший у дверей дневальный вытянулся.

– Товарищ капитан...

Егор приостановился, вроде, но тут же махнул рукой:

- Вольно, вольно... Дневальный, неси станок... скандальный. Замполит где?
- В конторе, товарищ капитан.
- Служи дальше.

Тот, кого он назвал замполитом, лейтенант Павлов или просто Саша, молодой парнишка с розовыми пятнами на щеках и курчавыми светлыми волосами, сидел в кабинете за его столом и трепался с кем-то по телефону. Увидев командира, он сразу попрощался и положил трубку.

- Ну, наконец-то. Передаю бразды правления.
- Какие дела?
- Да, какие дела... воскресенье же... Хотя – вот, генерал был... приехал ни свет ни заря.
- Зачем?
- Кто его знает? Походил, носом покрутил и уехал. Тебя спрашивал – я сказал, что ты

в городе.

- Саша, Саша... не понять, зачем был начальник, не простительно...
- Насчет американцев, наверное, убедиться...
- Да... американцев же черт сюда несет... забыл совсем! Ты, знаешь что – пошли Казачку, пусть проверит гостевой домик... белье там... посуду.
- Сколько их будет-то?
- Четверо.
- Сейчас я её отправлю. В футбол играть пойдем?
- Не хочу.
- А я пойду – я ребятам обещал.
- Иди. Тамару только послать не забудь – я через часок приду, проверю.

Оставшись в одиночестве, Егор достал из кармана телефон – Лида, уходя, записала туда свой номер. Он нажал кнопку вызова в полной уверенности, что она не ответит. Так и получилось – телефон сообщил, что абонент не доступен. Да, ему и не надо было её еще, даже по телефону. Он сейчас чувствовал себя, как ребенок, съевший сразу десять порций мороженого и запивший это дело вкусной газировкой – сыт и счастлив.

6. Почти у цели

Оставшийся путь завершился без особых событий. Дорога была совершенно свободной. Воскресным утром большинство людей не имеет никакого желания куда-либо ехать, остальные – не имеют возможности. У Энн сложилось такое впечатление, что они вот-вот доедут до Края земли. Как будто эта дорога сделана не для повседневных нужд людей, а для какой-то одной, неизвестной цели – пришли люди, пробили дорогу через глухую тайгу и нагромождения камней, но потом ушли и больше не возвращались. А те, для кого эта дорога строилась, так и не пришли сюда, передумали, или вымерли все давным-давно. От такой фантазии стало жутко и весело. Особенно после того, как свернули с большой дороги на узкое ответвление, по которому ехали еще миль двести, как показалось Энн, на самом деле гораздо меньше.

Одна остановка на последнем участке получилась для Энн памятной – нам это привычно – в семидесятых годах поставили этих памятников, где надо и где не надо, а для американки оказалось внове. За небольшой гравийной площадкой, прямо у дороги, стоял серый обелиск братской могилы с длинным списком солдат, похороненных здесь в 1944 году. Энн набрала большой букет желтых цветов с сильным дурманящим запахом и очень торжественно возложила его на могилу.

Однако была тут неожиданность и для наших. Чуть в стороне, незаметный с дороги, чернел на небольшом холме немецкий мраморный крест. Игорь, с трудом разбирая готический шрифт, прочитал:

– Курт Хейнер... или Гейнер, или Хайнер... оберлейтенант, Хайнс Фишер ефрейтор, Карл Бродерман рядовой, Гюнтер...

непонятно... все остальные рядовые. Всего одиннадцать человек. Я немного учил немецкий, но эта готика – как курица лапой!

– Я где-то читала, что все вражеские могилы уничтожались, – Энн подошла с еще одним букетиком.

– Сейчас восстанавливают кое-где. Родственники приезжают из Германии.

– Им тоже несладко пришлось тут... – Ольга, глядя на Энн, тоже набрала цветочков для обеих могил, – Ну что? Едем дальше?

– Конечно, конечно... а что там вон... смотрите...

Они прошли по заросшей, видно очень редко используемой грунтовке. Метров через двести на небольшой поляне из последних сил стояла старинная деревянная церковка. Снесенный ветром крест лежал рядом, опираясь на фундамент. Дверь, еще державшаяся на мощной кованной петле, поскрипывала, как бы приглашая войти, но входить не решились. Пофотографировались рядом и вернулись к машине.

Город начался неожиданно, сразу. Тут пришел черед удивляться Игорю с Ольгой. Они совсем не ожидали увидеть такой приятный городок в этой глуши – он чем-то напоминал подмосковный Зеленоград или Дубну, только дома пониже, но общее впечатление даже лучше.

Уже в городе Игорь связался с кем-то по телефону и, не убирая трубки от уха, двигался дальше как по радару. Таким манером, они подъехали к длинному бетонному забору и остановились у зеленых ворот с красными звездами на створках. За стеклянной дверью проходной маячил солдат с автоматом. Энн, хоть и числилась наполовину русской по крови и свободно владела родным языком, была все-таки американкой и яд холодной войны сосала потихонечку с самого детства, поэтому сейчас ей непроизвольно, но явственно, стало не по себе. За этими воротами находилось то страшное ОНО, которым пугали в фильмах, телепередачах, на школьных уроках.

Ничего страшного тут не произошло, да и не могло произойти. Минут через пять из проходной выбежал небольшого росточка, плотный офицер с вздернутым носиком. Он бросил в салон машины свой рюкзак и забрался сам.

– Здравствуйте. Хэлло, по вашему. Хау хэв ричед?

– Доехали хорошо, здравствуйте, – Игорь повернулся в салон, – не тужьтесь с английским, майор, здесь все хорошо говорят по-русски. Меня зовут Игорь, это моя жена Ольга, а это наша американская гостя – Энн Шертли, прошу, как говорится, любить и жаловать.

– А я, майор Мишкин Виктор... просто Виктор... Витя. Генерал уже выходит – поедem за ним.

Действительно, ворота раздвинулись, и оттуда показался черный джип, с сильно затемненными стеклами. Игорь сразу тронулся за ним. До погранзоны доехали быстро, у шлагбаума только притормозили – один солдат открывал шлагбаум, второй стоял по стойке смирно, отдавая честь проезжавшим. К заставе вела грунтовая, но довольно ровная дорога. Здание заставы напоминало типовую школу постройки девятьсот семидесятых годов. Чуть в стороне располагалось футбольное поле с воротами, обтянутыми металлической сеткой. Всё смотрелось уютно и по-домашнему. На поле во всю шла игра, туда-сюда бегал полный состав игроков: одна команда – по пояс голая; вторая – в полосатых майках без рукавов. Еще человек пятнадцать-двадцать солдат сидели в качестве зрителей. По полю бегал даже судья в черной майке с аляповатым рисунком и непотребной надписью по-английски.

Гости переждали в сторонке, следя за игрой, пока генерал с начальником заставы совершали необходимый военный ритуал встречи большого начальника. Генерал, правда, не выглядел военным, на нем был мягкий полуспортивный костюм с ветровкой, кроссовки и бейсболка, поэтому, вместо положенных с его стороны ответных парадных движений, он просто пожал капитану руку. Они о чем-то переговорили конфиденциально, после чего двинулись к гостям – знакомиться.

Генерал был – сама любезность, целовал ручки дамам и расточал комплименты, хотя сам в это время думал примерно так: «Надо же... из-за вот такой американской фитюльки столько шуму и ненужных телодвижений. Однако, мое дело – сторона. Начальство приказало – я выполнил». Он, как и майор начал с заготовленной английской фразы, но Энн тут же заметила:

– Я вполне говорю по-русски, господин генерал.

Энн, действительно, хорошо говорила по-русски, у неё прослушивался небольшой акцент, но построение фраз и грамматика, за редким исключением были почти идеальны. Генерал уточнил:

– Товарищ генерал... у нас во всех вооруженных силах принято обращаться – товарищ... а вообще, зовите меня просто, Георгий Александрович, тем более, что я даже не в военной форме.

– Георгий Александрович, – слово «товарищ» Энн произнести так и не решилась, – а когда мы сможем приступить к работе?

– Сразу работа? Я рассчитывал предложить вам на сегодня отдых... вы с дороги, устали... Егор Ростиславович, у нас гостевой домик готов?

– Конечно, всё приготовили, баню затопили...

– Знакомьтесь, – генерал обращался к Энн, – это теперь ваш... и хозяин, и помощник – все вопросы к нему. Капитан Градов, Егор Ростиславович, а это наша американская гостя Энн Шертли. Правильно я произнес?

– Да, генерал, – она по-мужски подала Егору руку, – а вы, что же, не играете в соккер? – Энн поняла, что сморозила глупость, но было поздно.

– Во что, простите? Ах да, это вы так футбол называете... да вот, видите ли, не играю, все дела бросил – вами занимаюсь, – Егор тоже понял, что на глупость ответил глупостью. Обоим стало неловко. Из неприятного положения их вывел генерал спросив:

– Простите Энн, а что вы планировали на сегодня из работы?

– Хотя бы попасть к озеру.

– Вот в этом, никаких проблем. Так! Мужчины пусть едут разгружаться, Егор Ростиславович, закуски там... и все такое у меня в багажнике. А мы с вами, дамы, пройдемся пешком, – он взял обеих женщин под ручки и повел по песчаной дорожке, ведущей к озеру.

Егор сел в микроавтобус, рядом с Игорем. Они увидели друг друга сразу, еще издалека – когда Егор только вышел навстречу генералу, Ольга толкнула Игоря локтем, смотри мол, кто идет. Игорь еще мог ожидать именно такой встречи, но Егор был сильно удивлен, поэтому немного обиженно спросил:

– Ты что, не мог предупредить, что едешь?

– Да, я не собирался никуда ехать... это просто анекдот какой-то. Должны были ехать сопровождающие, а она меня уговорила минут за пятнадцать, я сам до сих пор не верю, что я здесь...

– Да... шустрая девочка.

– Интересная девочка – не суди по первому впечатлению.

– Да, мне то что до неё?

– Куда дальше?

– Ставь поближе к домику... всё, выходим.

Они вышли у финского деревянного дома, единственным украшением которого был балкон под крышей на уровне второго этажа. Генеральский джип проехал дальше – к беседке.

Генерал отпустил локти дам только у самого берега.

– Вот оно, девочки, наше озеро. Можно я вас так буду называть?

– Пожалуйста, пожалуйста, – Ольге льстило внимание генерала, – Ой, как красиво здесь.

Энн, наоборот, казалась озадаченной:

– Не поняла. Это озеро Подкаменное?

– Да, конечно, а что вас удивляет?

– Оно маленькое...

Перед ними было почти круглое зеркало воды километра полтора в диаметре.

– На карте большое... длинное озеро, а здесь круглое, не больше мили...

– Это только кажется – вон там, напротив нас, смотрите – выглядит берегом, а на самом деле это остров, его легко объехать с обеих сторон. Завтра поедете туда – увидите. Вот здесь, где мы с вами стоим, самая северная точка озера, а вон туда, на юг, оно тянется километров на тридцать, да и ширина приличная. Но здесь много островов, поэтому целиком его нигде не увидишь. Это как в горах – поднимаешься из ущелья и, вроде бы видишь вершину, а поднялся – это не вершина, а только уступ... потом еще один, и так раз за разом... раз за разом...

Генерал замолчал, так и не продолжив своей сентенции. Они шли вдоль берега, молча. Ольга вышла вперед и, вертя попой, думала о том, насколько сильное сексуальное впечатление это производит на генерала. Генерал шел за ней и, действительно, не отрывался взглядом от её попы, но думал не об Ольге, а о женщинах вообще, об их непредсказуемости и неверности.

А Энн совсем растерялась: она достигла, наконец, своей цели, к которой она стремилась последние полгода, применяя женскую хитрость и неженскую силу воли, затратив на уговоры и убеждение всех заинтересованных сторон внутренней энергии столько, что, наверное, хватило бы на то, чтобы спутник вывести в космос, а теперь сникла. Такое сильное влияние на неё, видимо, оказала местная природа.

Все последнее время она находилась в ограниченных пространствах, а ограниченное пространство увеличивает самомнение – находясь в помещении, будь то комната или даже боль-

шой зал, передвигаясь в машине или в самолете, чувствуешь себя большим и сильным; преодолеть такое пространство – раз плюнуть. За окном или в телевизоре не важен размер, и там может происходить всё, что угодно – это всё там, за стеклом, поэтому, не серьезно и не имеет значения.

А здесь была тишина и так много чистого неба и чистой прозрачной воды, что все эти сосны, валуны и песок выглядели лишь обрамлением чего-то настоящего, неизмеримо большого и вечного. Энн показалась себе маленькой и беззащитной и что делать теперь, она не знала.

Так молча, они прошли берегом до лодочной пристани, которая представляла собой деревянный помост в виде перевернутой буквы «Т», ножка, которой уходила в озеро. С обеих сторон ножки были причалены лодки, еще одна сушилась на берегу: справа покачивался на легкой волне не лишенный изыска металлический катерок с закрытым клотиком, окрашенный в пятнистый камуфляж, а слева стояла большая открытая посудина, старинной конструкции, на берегу лежала еще одна, похожая, только поменьше.

– Вот ваш водный транспорт. Рекомендую вот это, – генерал показал на старинную посудину, – внешний вид непритязательный, но качество очень высокое. Называется «Карелка». Местные жители делают их сами, из еловых досок. Смотрите! – генерал запрыгнул в лодку и прошелся по бортам. Женщины синхронно ахнули, но ничего не произошло, лодка лишь немного закачалась.

– Опрокинуть её почти невозможно, во всяком случае, нужно очень постараться, а при этом, скорость развивает вполне достаточную.

– Товарищ генерал, у нас всё готово, – голос раздавался откуда-то сверху.

От пристани вверх вела деревянная лестница с перилами. На верхней площадке лестницы стоял майор, размахивая руками. Это место, как справедливо говорил недавно генерал, выглядело вершиной горы.

А наверху оказалась невидимая с берега большая беседка со столом и скамейками, вырубленными из полубревен. На столе стояло несколько еще закрытых бутылок и много еды. Чуть дальше от берега был тот самый гостевой домик, рядом с ним стояли машины. Игорь с Егором колдовали возле мангала. Из дома вышла сильная, круглолицая женщина с кастрюлей, парившей через полотенце.

– Картошечки принесла, здравствуйте, товарищ генерал... здравствуйте всем.

– Тамара Петровна! Здравствуйтесь, – генерал улыбнулся, глядя на женщину, и обращаясь уже в основном к Энн, добавил, – лет пятнадцать женщин на заставах не было, а сейчас стали возвращаться, хозяйки, дело пойдет. Тамара Петровна, а муж-то ваш где?

– Собак кормить пошел – придет.

– Ну что же... – генерал потер руки, – как говорил наш замечательный писатель Чехов: «Лучше два часа на морозе ждать поезда, чем двадцать минут ожидать выпивки», – давайте-ка все к столу!

Генерал сел в торец стола, за его спиной открывался замечательный вид на озеро. Майор суетился возле генерала, он раздобыл штопор и открывал бутылки.

– Товарищ генерал, вам что наливать?

– Мне – вино. Дамы, что будете пить?

Энн попросила немножко вина, а Ольга, тяжело вздохнув, произнесла:

– А мне лучше сразу водки, – и еще раз вздохнула, как будто ей предстояла тяжелая работа. К ней уже подсел Игорь, он тоже подставил свой стаканчик.

Егор снимал на блюдо шипящий на горячих кончиках шампуров шашлык. Тамара Петровна присела на самый краешек скамейки, как птичка на веточку, что странно выглядело при её объемистом теле. Генерал встал, держа в руке стакан с темно-красным вином.

– Ну что ж... разрешите мне, как старшему здесь, сказать несколько слов. За нашим столом сегодня находится прекрасная гостья из Соединенных штатов Америки, и это хороший знак – у наших стран, значит, есть точки соприкосновения и повод для сотрудничества, а сотрудничество гораздо лучше войны, пусть даже и холодной. Дай Бог, чтобы сотрудничество развивалось во всех сферах... За сотрудничество!

– Да, да...

– Давайте!

Егор сел рядом с Энн, потому что, как хозяин, считал своим долгом окружить главную гостью вниманием. Он снял самые лучшие куски мяса прямо ей на тарелку.

– Шашлык вкусный, пока горячий – ешьте... вот кетчуп, ваш – американский. Георгий Александрович расстарался, специально для вас, я так понимаю...

– Да, да, конечно... я ем – вкусно, – Энн, почему-то, побаивалась этого здоровенного русского, хоть и привлекательность в нем, безусловно, была, но какая-то тяжеловесная. К тому же не забылась неловкость при их знакомстве, и она, чтобы не продолжать разговор, сделала вид, что набила полный рот мясом.

Генерал опять поднялся.

– Виктор, налей, пожалуйста... Егор Ростиславович, положите своей даме салатик, – и уже обращаясь к Энн, – у вас таких салатов, наверное, не выделяют...

– Нет, нет, я знаю – это «русский салат»...

– У нас это называется «салат Оливье», без него ни одно приличное застолье не обходится. Я специально заезжал в ресторан – у нас повар его прекрасно готовит...

– Надо было тратиться? Я бы нарезала... – влезла с поправкой Тамара.

– Вы попробуйте, Тамара Петровна, попробуйте... потом скажете – стоило или нет. Семгу берите! Тут её многие готовят, но у каждого свой секрет... Это от моей жены, она сахарку добавляет и специй каких-то... Разрешите, еще два слова. Все молчат, а выпивка без тоста – это пьянка...

– А с тостом – политработа...

– Правильно, Виктор. Разрешите второй тост за наших прекрасных дам. Товарищи офицеры!

Мужчины встали.

– Я тоже офицер – лейтенант запаса Мартьянов! – Игорь вытянулся и залихватски выпил, сорвав аплодисменты присутствующих.

За столом стало веселее, вино уже проявило свое благотворное влияние. Майор без команды начал наполнять стаканы. Тамара подвинулась ближе и сидела уже нормально, а не на краешке, как вначале. Появился её муж, прапорщик Казак с гитарой в руках. Гитару он пристроил у входа, а сам сел рядом с женой, которая быстренько соорудила ему тарелку с едой и стаканчик, чем он втихаря и воспользовался. Егор скорчил недовольную мину.

– Гитару-то, зачем принес?

– Лейтенант приказал. Вы гуляете – он за главного, не могу не подчиниться, – произнес прапорщик с набитым ртом.

– Правильно приказал, – это уже говорил генерал, – Егор Ростиславович, сыграй нам, пожалуйста...

– Он Бетховена на гитаре играет, я слышала... так здорово, – Ольга покраснела от выпитого, глаза её сверкали, – сыграй Лунную...

– Ну, Бетховен – это, конечно, хорошо, но уже без меня, – генерал посмотрел на часы, – Спой про Кавказ, пожалуйста, не в службу, как говорится...

Егор не заставил себя долго упрашивать. Он взял гитару, провел по струнам, подправил немного настройку, хотя аккорд и так звучал вроде безукоризненно и сразу запел:

Любимая, здравствуй.
Пока всё в порядке.
Я жив и здоров (правда, грязный слегка).
Попали в засаду. Как репы на грядке.
Сидим у дороги. Живые пока.
На память осталась планшетка комбата,
Попорченный пулей бронежилет,
Граната в подствольнике автомата
И восемь раздавленных сигарет.
В лощине деревня дымит, догорая,
И Солнце в дыму словно медный алтын.
Мне мало осталось – прости, дорогая...
И может, простит меня будущий сын.
Кто враг и кто друг я уже и не знаю.
Вон тот, бородатый, по школе знаком...
Но русская форма на мне, дорогая,
Сейчас я себе и комбат и Главком.
Имею в резерве: планшетку комбата,
Попорченный пулей бронежилет,
Гранату в подствольнике автомата
И семь недокуренных сигарет.
Прорваться к своим бы с вечерней зарею.
Нам лишь проскочить вон за тот косогор...
Письмо это вместе с планшеткой зарю
В пропитанной кровью земле этих гор.

Генерал слушал очень серьезно и, когда песня закончилась, он встал.

– Я хочу, чтоб вы знали: в девяностые годы я служил на Кавказе. Тогда только появилась граница с Грузией – организовано все было плохо... да, что там говорить – бардак полный, ну, и... попали мы в окружение. Из оружия, кроме автоматов и пистолетов ничего... окопались, конечно, ведем бой, а чечены головы поднять не дают. Ну, думаю, кончилась моя карьера... и людей всех положу... Но тут, откуда ни возьмись, лейтенантик молодой со взводом десантников часа за полтора всю блокаду снял и почти без потерь... а пресса наша тогда писала, что мы воевать не умеем, Бог им судья... Да... так вот подходит ко мне этот лейтенант, представляется – лейтенант Градов Егор Ростиславович. Я его с тех пор так по имени-отчеству и зову. Спасибо тебе Егор... и за песню тоже, но тост мой последний на сегодня не за тебя, а за тех, кого мы потеряли... кого сегодня с нами нет.

Все встали и выпили молча.

– Ну, всё, – генерал опять посмотрел на часы, – мне пора ехать.

– А баня?

– В следующий раз. Отдыхайте – без начальства свободней будет.

Вся компания, не садясь, отправилась провожать генерала до машины. Его водитель, как чувствовал, уже завел мотор. Как все грамотные генеральские водители, поел он раньше всех, успел проведать знакомых на заставе, поспать под музыку автомобильного приемника и, сейчас изображал из себя серьезного спеца, готового ехать хоть во Владивосток.

После проводов народ разбрелся по естественным надобностям. К столу вернулись только Игорь и Егор. Сели на свои места – друг напротив друга. Игорь спросил:

– Ничего, что мы тут гуляем? Солдат в смущенье не введем?

– Ничего... там есть, кому службу нести, да и домик на отшибе специально, чтоб не слышно было, – ответил Егор и налил водки.

В это время у беседки появились лейтенант Павлов и сержант Ерохин. Егор сердито обернулся к ним.

– А вы чего здесь? Легки на помине... а кто службу нести будет?

– Казак вернулся – нас отпустил. И вообще, – лейтенант подтянулся и приложил руку к виску, – Товарищ капитан, за время вашей гулянки никаких происшествий...

– Садись, шут гороховый, шашлык сами себе жарьте, или пока вон салаты берите, рыбу...

– Может, в баньку сразу, товарищ капитан, – вмешался Ерохин, – а потом уж поедим и... того...

– Как хотите, – Егор опрокинул в рот стопку и взял гитару. В это время он услышал около своего уха шепот:

– Ты у генерала дома был? – шептал, как выяснилось, майор Мишкин.

– Нет, конечно, а что? – Егор ответил громко, но майор продолжал змеиным шепотком:

– А ты хоть знаешь, с кем ты вчера так шикарно удалился из кафе?

– Нет, да я и не...

– Я так и подумал, что не знаешь – это жена генерала! Он только зимой женился, никому её не показывает – майор прекратил шептать и добавил уже в голос, – я ничего не видел и нем, как семга... соленая.

Как говорят в таких случаях, ни один мускул не дрогнул на лице капитана, но его внутренний голос в это время кричал: «Ни хрена себе? Вот это дела!». Чтобы как-то привести в соответствие внутренне с внешним, Егор резко ударил по струнам и под разухабистый веселый мотивчик тихо проорал следующий текст:

На злую судьбу нам не следует злиться.
За нашей спиной улыбается Бог —
Злодейка судьба приказала родиться
В чудесной стране дураков и дорог.
Мы глупостью нашей привыкли гордиться.
Нас Дурость водила дорогой Побед.
Умом и богатством блистать не годится,
Дурацкая рожа – страховка от бед.
Под клюквой развесистой – сладкие думы
И двери заветные все без замков
У Буратино в «Стране Дураков».

Закончив петь, он уже был спокоен, решив, что теперь не время предаваться эмоциям. Разобраться во всем можно будет потом, и даже морду набить майору сейчас нельзя – выдашь себя с головой, поэтому он произнес совершенно спокойным, но громким голосом, чтобы слышали все:

– Предлагается баня, – и уже персонально для Энн, – Вы видели в Америке «черную» баню?

– Я хожу в сауну, в фитнес-центре...

– Черная баня – это не сауна... это экзотика, почище салата Оливье. Баню «по-черному» даже в России не вдруг встретишь. Идем смотреть? Пойдемте все!

Когда они обошли дом с другой стороны, взглядам открылась баня и непосвященные заойкали:

– Пожар, ой... горим!

Непосвященными были москвичи и Энн. Остальные смеялись, довольные, произведенным эффектом. Небольшой сруб бани был, действительно, затянут дымом. Дым шел из-под конька, из окна и из открытой настежь двери. Егор, не оборачиваясь, скомандовал:

– Ерохин!

– Я!

– Вперед!

– Есть!

Сержант выбежал вперед, сноровисто схватил небольшое ведро, висевшее на пожарном щите, зачерпнул воды из кадушки, стоявшей рядом с дверью, и исчез в дыму. Прошло совсем немного времени и баня, будто бы взорвалась – дым из двери, как из пушки вышибло. Еще чуть позже появился мокрый Ерохин и закрыл за собой дверь.

Порешили первыми запустить мужчин – женщины подождут, пока в бане станет попрохладней, и займутся пока обустройством ночлега и своими делами. Тамара провела Энн и Ольгу в дом, показала им их комнаты, но задерживаться там женщины не стали – Энн взяла картонный чемоданчик с ручкой и они с Ольгой ушли к озеру.

На пристани Энн распечатала чемоданчик: там оказались четыре одинаковых черных кубика. Энн вытащила один и подготовила его к работе. Это был правильный кубик со стороной, примерно, в двадцать сантиметров, на одной его грани имелось прозрачное окошко, через которое виднелся двухцветный шарик. Кубик можно было крутить, как угодно, но красная сторона шарика оставалась направленной на озеро. И, все-таки, кубик имел верх и низ: снизу Энн пристегнула карабином небольшой груз на прочном нейлоновом шнурке, а сверху вытащила такую же черную как кубик антенну. Энн подошла к краю помоста и, держа эту конструкцию за кончик антенны, опустила в воду. Груз лег на дно, когда кубик еще не достал до воды. Энн вынула все обратно, сделала петлю – на карабине имелся для этого специальный зажим – и снова отпустила в воду. На поверхности осталась только часть антенны.

Не спеша, гуляя по берегу, за разговорами, они поставили остальные датчики на расстоянии не менее полукилометра друг от друга.

Когда Энн и Ольга вернулись, мужчины только что вышли из бани, все с одинаково красными физиономиями и каплями пота на лбу. Один майор выделялся – лицо у него не равномерно окрасилось, а крупными красными пятнами. Тамара уже ждала дам со свежим бельем в руках. Ольга пыталась поломаться, но Тамара властной рукой прекратила её сомнения, сопротивляться Тамаре было бесполезно.

Энн читала много русских книг и, в целом, представляла себе этот вид национального самоистязания, но в настоящей деревенской бане, естественно, не была. Она входила с опаской и, в отличие от Ольги, не стукнулась головой о косяк. Копна светлых Ольгиных волос смягчила удар. Тамара потрепала Ольгу по голове, пообещав, что до свадьбы всё заживет.

Места в предбаннике было вполне достаточно, светло и пахло весело – вениками, смолой, чистой водой и еще много чем, что, смешиваясь, создавало неповторимую прелесть. Энн не воспользовалась вешалкой, а аккуратно сложила свои вещи на скамью, сверху пристроила очки, не доверяя чистоте стен, где располагались вешалки (это она еще не видела, какие стены внутри). Тамара скинула одежду быстро и уже стояла возле двери в парную, ожидая остальных. Она радостно улыбалась, поигрывая веником. Глядя на неё, действительно хотелось улыбаться, – «Кустодиев отдыхает», – подумала Энн. В Тамаре все было мощным, круглым и упругим, с перевязочками, как у младенца. Ольга, рядом с ней, хотя тоже была не маленькая, смотрелась чахоточной. Ощущение болезненности возникало из-за излишне белой кожи, с розовым следом от резинки на поясе; хотя, на самом деле, Ольга выглядела бы совсем красивой, если бы не излишне отвисшие груди. Энн со своими грудками и едва намеченной линией попы показалась себе рядом с ними ребенком.

– Ну... готовы? Полотенцы взяли? Пошли! Только наклоняйтесь ниже, а то совсем головы расшибете, – Тамара пропустила гостей вперед, потом зашла сама.

Наклонившись вперед, Энн переступила порог парилки и, как будто нырнула в какую-то теплую, влажную субстанцию. Это была еще не вода, но уже и не воздух.

Внутри бани висели два герметичных светильника с сильными лампами, но их свет как бы пропадал в пространстве – стены были совершенно черными от копоти и поглощали свет. Справа от входа помещался очаг – внушительное сооружение из круглых камней с большим котлом горячей воды. Трубы не было никакой, поэтому стало понятно, почему баня так странно дымилась. Прямо по ходу находилось многоярусная конструкция полков, такая же закопченная, как и всё здесь. Тамара залила веники крутым кипятком, и они сразу зашились ароматным паром. Энн и Ольга остановились в нерешительности, не зная, что делать дальше.

– Забирайтесь на полки – я вас попарю.

– Здесь грязно, – Ольга брезгливо провела пальцами по скамье, пальцы её стали черными.

– Это не грязь – сажа. Отмоется, да и полотенцы-то вам зачем? Подстелите. Ложитесь ногами к очагу... вот так.

Кое-как устроились. Ложиться на самый верх Ольга категорически отказалась – Энн рискнула. Всё это оказалось не так страшно, как представлялось заранее: и не так жарко и не так душно, во всяком случае, в фитнес-центровской сауне дышать было труднее. Тамара потихоньку начала поддавать пару. Энн, лежавшая с закрытыми глазами, слышала фырканье камней и чувствовала накатывающийся волнами жар. Потом пошел веник: от ступней всё выше и выше, особо по пояснице, как следует между лопатками.

– Ой, а худющая-то какая! Вас там, в Америках ваших не кормят совсем... то ли дело Оля... тоже могла бы быть посправней, но ничего... – Тамара охаживала их двумя вениками одновременно, сначала бережно, потом более основательно. Паримые сначала тихо повизгивали, потом запросили пощады. Тамара вывела их из бани.

– Да, идите же! Никто вас тут не съест. Пока мы в бане, мужики сюда не пойдут.

Когда две дамы осторожно выбрались на травку, Тамара окатила их из ведра холодной водой. Они взвизгнули для приличия, потому что холода не почувствовали, ни та, ни другая. Зато войти опять в парилку после холодной воды – одно удовольствие, кожа поет каждой своей клеточкой. На втором заходе они вдвоем парили Тамару – недопарили, сбежали, той пришлось еще раз поддать и заканчивать дело самой. Тамаре, в отличие от неопытных гостей, которые все были в черных пятнах сажи, удалось почти до конца проходить чистой, но когда Энн, попутав синонимы, назвала «шайку» «бандой», она в самом буквальном смысле покатила со смеху и перепачкалась вся. Так что мыться всем троим пришлось основательно.

К беседке женщины вышли в обнимку, розовенькие, с полотенцами на головах. Мужчины встали и проскандировали: «Слѣг – ким – па – ром». На столе стояли, приготовленные для них три запотевших стакана с брусничной водой и стопочки с водкой. Они всё это с удовольствием выпили и с не меньшим удовольствием покушали. И мужчины их поддержали.

– Ну, теперь знаете, что значит париться по-черному? Понравилось? – спросил Игорь.

– Великолепно! – ответила Энн.

– Абсолютли! – поддержала Ольга, свернув пальцы американским колечком.

Егор в отсутствие генерала принявший обязанности тамады, обратился к Тамаре:

– Ну, что, Казачка, заспеваемо?

– Да, с удовольствием!

– Вы, действительно, казачка? Настоящая? – поинтересовалась Ольга, – Похожа...

– Если у неё муж по фамилии Казак – она что ж Иванова, что ли – конечно, Казачка, – ответил за Тамару Егор. Он тихо стал перебирать струны, отозвавшиеся печальными звуками с легким умышленным диссонансом, и тихо запел первым голосом:

Ой, да не вечер, да не вечер,

Тамара подхватила в терцию:

...да не вечер,
Мне малым-мало спалось

Голоса их слились и взаимно усилили друг друга. Гитарный перебор не отставал. Потихоньку стали подтягивать остальные. На словах:

...а есаул догадлив был,
он сумел сон мой разгадать:
«Ой, пропадет, – он говорил, —
Твоя буйна голова».

напряжение дошло до предела и стало спадать. Когда песня кончилась, некоторое время все молчали. Стало слышно, как шумит ветер в макушках сосен. Энн вспомнила свои ночные мысли в трактире о том, что все одинаково становится в мире, и опровергла сама себя: «Нет, такого вот вечера не может быть ни на Мичигане, ни в Оклахоме... такие посиделки с песнями после бани могут быть только в России... Ну, если только сама Россия куда-нибудь переедет...». Благодаря этой старинной казачьей песне, этому огромному, никак не темнеющему небу, русские гены высунули головы с её внутреннего рибонуклеинового склада и заставили её растрогаться почти до слез.

Энн вообще, всегда была артистической натурой. В хорошем смысле этого слова. В том смысле, что она умела почувствовать людей душой, и если ей эти люди нравились, подстроиться под них. Не поугайничать, не пародировать своих собеседников, а как бы настроиться на их волну. Сейчас она была со всеми заодно, как будто она и родилась здесь, среди этих сосен и даже думать начала по-русски.

– А сколько сейчас времени? – это спросил Саша Павлов, молодой лейтенант.

– Время детское – первый час, – ответил Егор, сверившись со своими «Командирскими».

– Тогда, дети идут спать. Ерохин, подъем! За мной! – уже скрываясь за кустами, Павлов спросил у Егора, – Товарищ капитан, вас ждать?

– А что ж, я здесь на столе спать буду? – ответил Егор уже в пустоту, – Действительно, расходиться уже пора. Вы с дороги, устали...

– Я готов идти или ехать, куда угодно, прямо сейчас, – вставил, клевавший носом, Игорь.

– И я, – добавил майор, который вообще уже спал.

Тамара начала собирать со стола. Егор, пропустивший мимо ушей реплики полусонных товарищей, продолжал:

– У нас остался один маленький технический вопрос. Георгий Александрович попросил меня лично сопровождать вас и помочь в вашей работе. Энн, прошу вас, в общих чертах, обрисуйте, пожалуйста, суть вашей задачи, чтобы я мог как-то планировать завтрашний день и вообще...

Энн не сразу вышла из своего лирического состояния.

– Я боюсь, что «в общих чертах» не получится...

– Валяйте тогда всё по порядку.

– Тогда наливайте еще, – у Энн заблестели глаза, – у вас лед есть?

– Нету, – отозвалась Тамара, – такого не держим. Водички брусничной возьми – холодная.

Энн смешала водку с брусничной водой, получив русско-американский коктейль, и отхлебывая понемножку, начала:

– Всё началось с моей диссертации. Это было перед самым Рождеством... Я сидела в библиотеке – занималась подборкой литературы... Дело в том, что тема моей диссертации... ну, это не важно. Главное в том, что мне нужно было сделать подборку из редких книг, газет, рукописей начала двадцатого века... и я наткнулась на интереснейшую рукопись. Как она попала в хранилище, не понятно и с 1914 года её никто не брал – я первая. Мне дали большой плотный почтовый конверт, внутри был патент... я не помню точное название, ну там... с двуглавыми орлами от Российской академии наук, датировано 1908 годом. Это было обращение к властям на территории Финляндии, с предложением оказывать помощь дословно: Тимофею Иванову Ваттанену...

– Иванову или Ваттанену? – это проснулся майор.

– Иванов – это отчество, – Игорь тоже был уже вполне бодрым, – Но фамилия Ваттанен в Финляндии, все равно, что в России – Иванов. Я знаю Ваттаненов и реальных, и литературных...

Игорь явно собрался перечислять, но Егор прервал его:

– С этим понятно – скорее всего псевдоним, серенький, незаметный – Тимо Ваттанен. А, поскольку Финляндия была в составе Империи, ему по-русски заполнили все графы анкеты.

– Я проверяла – был такой реальный человек. Он с 1911 по 1914 жил в Штатах, потом уехал в Россию и пропал.

– Это тоже не удивительно. В те годы в России пропал ни он один. Давайте дальше...

– В конверте лежал его дневник – средней толщины тетрадка в переплете, исписанная мелким и малоразборчивым почерком. Я понимаю людей, которые брали эту тетрадку в руки и не стали читать, даже владея языком, это почти не возможно... но у меня такой характер. Я знаю свои недостатки. В общем, я сняла увеличенные копии и, не спеша, прочитала. Сначала он очень подробно описывает, как добирался до места, как нанимал проводников, и кто они такие. У него были с собой примитивные сейсмографы – тоже зарисованы в дневнике. Описывает подробно каждый день экспедиции – 2 июня, или 15-е по григорианскому календарю у него подчеркнуто. Причем, он очевидно ждал этого дня. Начало дня описано спокойно и подробно, а дальше всё свалено в кучу – сплошной сумбур. Прямо в тексте – рисунок – ящер, выходящий из воды...

– А посмотреть этот рисунок можно? – Игорь, уже посвященный в эту историю, жаждал подробностей.

– К сожалению, нельзя... Дик эти бумаги положил к себе в чемодан.

– Кстати, вас должно было быть четверо, – вспомнил Егор, – двое американцев и двое сопровождающих.

– Да, но Дик... это мой друг, – произнеся эти слова, Энн слегка покраснела, но кажется, никто не заметил, – сломал ногу, прямо в аэропорту, и я поехала одна.

– Хорошо, будем довольствоваться словесными портретами, – у майора немного заплетался язык.

– Какими портретами? – не понял Егор, – Мишкин, шел бы ты спать.

– Во-первых: я еду с вами и должен быть в курсе; во-вторых: не волнуйся, завтра я буду, как огурец, а на счет этого... я имел в виду портрет ящера.

– Ящер, как ящер, – продолжала Энн, – по внешнему виду что-то среднее между ихтиозавром и диплодоком. В классификации его нет. Это, судя по всему, земноводное – у него длинное веретенообразное туловище с длинной шеей и хвостом, но, в отличие от классического ихтиозавра, вместо ласт имеет перепончатые лапы, как у лягушки. На рисунке рядом с ним изображен человек, видимо, для того, чтобы были понятны размеры – мы посчитали, получается, что длина тела около двадцати ярдов. В метрах это будет где-то восемнадцать – девятнадцать. Записи, я уже говорила, сумбурные. Могу привести на память фразы: «Земля

гораздо легче, чем мы думаем – внутри пустота. Там есть жизнь. С ними можно общаться. Яков – дурак, сам виноват. Жизнь везде – космос не пустота», ну и тому подобное. Яков – это один из его проводников. Эти фразы набросаны крупным быстрым почерком, как если бы он тезисно записывал за говорящим, точнее – так пишут медиумы в экстазе. В конце дневника говорится, уже обычным его почерком, что появление ящеров сопровождалось значительным изменением рельефа поверхности земли в районе озера, буквально на десятки километров. Пишет, что сведения, которые он получил, продвинут науку на сотни лет вперед и обещает изложить все систематически во второй тетради.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.